

ЯНОШ КОРНАИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КАПИТАЛИЗМЕ

Smolbny
Смольный институт
Институт Гайдара

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Янош Корнай

Размышления о капитализме

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2011

Корнаи Я.

Размышления о капитализме / Я. Корнаи — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2011

В своей последней книге известный венгерский экономист и критик социалистической экономики — Янош Корнаи — делится с читателями мыслями о характере современного капитализма. В книгу вошли четыре эссе о различных аспектах и проблемах современного капитализма: формах функционирования рынка, инновациях, занятости и безработице, распределении благ и общественной солидарности. Автор — хорошо знакомый с постсоциалистическими реалиями — останавливается на положительных и отрицательных сторонах капиталистической системы, обращаясь как к специалистам, так и ко всем, кто интересуется современной экономикой.

© Корнаи Я., 2011

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2011

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Введение	9
Одной ногой внутри, другой – снаружи: мои отношения с мейнстримной экономикой	10
Критический взгляд – в защиту капитализма	16
Бесконечная работа	18
Часть I Инновации и динамизм. Как влияют друг на друга системы и технический прогресс	20
Введение	20
I-1 Капитализм, социализм и технический прогресс	22
1.1. Революционно новые продукты	22
1.2. Следом за первопроходцами – распространение обновлений	25
1.3. Инновационное предпринимательство при капитализме	27
1.4. Невозможность инновационного предпринимательства при социализме	31
1.5. Политические факторы и технический прогресс	34
1.6. Первые итоги: системы и технический прогресс	34
I-2 Преобразование (трансформация) и ускорение технического прогресса	36
2.1. Предприниматели-новаторы	36
2.2. Ускорение распространения инноваций и гонки за лидером	37
2.3. Созидательное разрушение	40
I-3 Отражение исторической действительности в сознании людей	44
3.1. Базовое явление-отсутствие понимания	44
3.2. Ответственность экономистов	46
3.3. Ответственность политиков	48
3.4. Взаимосвязанность (Interconnectivity) и демократия	49
Заключение	52
Часть II Экономика дефицита– экономика избытка. К вопросу о теории рынка	53
Введение	53
Общие впечатления	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Янош Корнай

Размышления о капитализме

János Kornai
Gondolatok a kapitalizmusról
2011

Предисловие к русскому изданию

Надеюсь, моя новая книга вызовет резонанс не только в умах, но и в сердцах российских читателей.

В сборник вошли четыре работы. Предмет первого исследования – *инновация*. Важнейшее свойство капиталистической системы в сфере экономики – это сильнейший стимул, который она создает для развития инновационных процессов. Во времена социализма в Советском Союзе тоже было немало выдающихся изобретателей и ученых, блестящих умов, но результаты их интеллектуальных достижений не находили массового практического применения и широкого коммерческого использования.

Я не раз пересматривал шедевр Тарковского – фильм «Андрей Рублев»; каждая сцена этого фильма вызывает у зрителя самые разнообразные мысли. Как-то раз во время просмотра во мне разыгрался экономист. В первой сцене русский крестьянин Ефим сооружает примитивный воздушный шар и взлетает. «Лечу, лечу!» – кричит он с восхищением. Через несколько минут полета Ефим падает вниз. Этот эпизод мог бы служить символом выдающейся русской творческой энергии, новаторской смелости и трагического провала.

В эпизоде «Колокол» великий князь хочет отлить колокол, но все, кто владел этим непрыстым мастерством, умерли. Бориска, сын знаменитого литейщика, утверждает, будто отец раскрыл ему секрет колокольной меди, получает разрешение и принимается за работу. Если к художественному произведению, изображающему сюжет из средневековой истории, можно применить современную экономическую терминологию и это не будет воспринято как богохульство: Бориска – истинный инноватор, он соединяет и заставляет работать материальные ресурсы, людей и интеллектуальный потенциал – профессиональное знание. Он истинный гений организации. И одновременно с этим – технический гений, ведь в финале выясняется, что отец никакого секрета ему не передавал и юноша сам почувствовал, как надо выполнить это невероятно сложное задание. Колокол издает звон, князь и двор уезжают праздновать, а Бориска остается один и начинает биться в истерике. Конечно, речь не об эпохе Билла Гейтса и Стива Джобса, когда гениального инноватора защищают слава и почет и он становится очень богатым человеком.

Сегодня в России функционирует капиталистическая система. Я с нетерпением жду работ российских коллег о том, что происходит в стране сейчас. Повторяют ли русские инноваторы судьбу Ефима и Бориски, или уже стали появляться Биллы Гейтсы и Стивы Джобсы?

Второе исследование – самая объемная часть книги и, по моему внутреннему рейтингу, – самая важная. В ней я противопоставляю социалистическую экономику (характерные черты: экономика дефицита, преобладание явлений избыточного спроса) и капиталистическую (ключевые характеристики: экономика избытка, преобладание явлений избыточного предложения). Когда я представляю эту пару оппозиций экономистам, живущим в западных странах, многие реагируют словами: «Да, при социализме был хронический дефицит. Первая часть утверждения соответствует действительности. Но зачем называть состояние рынка в капиталистической системе экономикой избытка? У нас, если исключить колебания большей или меньшей амплитуды, между спросом и предложением наблюдается равновесие». Они настолько привыкли к избытку, который присутствует в капиталистической рыночной экономике повсюду, что ощущают это состояние как «равновесие».

Я в большей степени рассчитываю на понимание со стороны российских экономистов, по крайней мере тех, кому за сорок, – они на собственном опыте успели почувствовать, что такое экономика дефицита, и в период смены системы пережили момент, когда до этого пустые полки

чуть ли не по мановению волшебной палочки заполнились товарами и с тех пор предложение только продолжает расти.

Вспоминаю, как во время последней моей поездки в Ленинград, незадолго до возвращения городу исторического имени, мы жили в прекрасной гостинице для иностранцев. Икру там можно было купить в любом количестве. Мы купили порцию и отнесли в номер, а затем отправились в город купить белого хлеба; заходили из булочной в булочную, но хлеба так нигде и не нашли.

И эта история не представляется чем-то исключительным. Советский Союз на пороге реформ являл собой яркий пример экономики дефицита: зияющие пустотой полки в гастрономах, скудный ассортимент в магазинах промтоваров. Людям часто приходилось стоять в очередях, если в магазин вдруг привозили что-нибудь посимпатичнее. Дефицит на жилье был ужасающий, чужие друг другу семьи были вынуждены вместе прозябать в коммуналках. Покупателям приходилось годами ждать возможности купить автомобиль или разрешения провести в квартиру телефон.

Когда я вновь приехал в Россию спустя несколько лет, то меня ждала совершенно иная картина. В универмагах и небольших магазинах все было совершенно таким же, как в условиях любой другой рыночной экономики – изобилие ассортимента, товаров намного больше, чем покупателей. Желающему купить автомобиль уже не надо годами ждать очереди. Конкурирующие между собой телефонные компании наперебой уговаривают людей воспользоваться их услугами. Квартиру можно легко купить или снять – были бы деньги.

За довольно короткий с исторической точки зрения период российская экономика перескочила из состояния дефицитной экономики в экономику избытка. Причинам и последствиям этого недавнего и поддающегося непосредственному наблюдению радикального сдвига посвящена вторая часть исследования. Каким образом все это повлияло не только на жизнь потребителей, но и на производство, как доходы воздействуют на имущество и право им распоряжаться? Самое важное последствие – тот факт, что в производстве присутствуют избыточные мощности и обширные запасы, а производители и продавцы борются за покупателей, – сразу дает сильнейший стимул для развития инновационных процессов. Здесь круг тем во второй части расширяется и делается попытка проанализировать преимущества и недостатки социализма и капитализма.

В названии третьей части процитирован лозунг Великой французской революции: *Свобода, Равенство, Братство*. Насколько мы, жители бывшего социалистического пространства, приблизились к этим великим целям, и все же насколько по-прежнему далеко мы от них находимся? В книге я попытался подвести некоторые итоги, но, главным образом, с точки зрения стран Центральной и Восточной Европы. Задача российских коллег – основательно и бесстрашно переосмыслить непростые дилеммы, обозначенные в работе, применительно к собственной стране; необходимо вновь поразмышлять о политической и экономической свободе, о равенстве или неравенстве при распределении доходов и имущества, об общественной справедливости и солидарности.

Четвертая часть обращена к теоретическому наследию Карла Маркса. В начале своей научной карьеры я был приверженцем марксизма, но впоследствии отошел от этой системы взглядов. Что подтолкнуло меня к глубокой идейной трансформации? Несет ли Маркс идеологическую и интеллектуальную «ответственность» за социалистические режимы, созданные под руководством коммунистических партий? Что в его учении не выдержало проверку временем, а что из теоретических выкладок Маркса может с успехом использовать современный экономист, исследователь общества? На эти вопросы я старался ответить в заключительной части книги (между прочим, в третьей части я тоже не раз обращаюсь к идеям Маркса).

Все, без исключения, представители старшего поколения российских экономистов так или иначе прошли «фазу марксизма», ведь марксистская политэкономия была обязательна к

изучению. У меня этот период начался в 1945 году, а в 1956-м я открыто заявил, что не считаю себя марксистом. Смею предположить, что у многих российских коллег эта фаза длилась куда дольше; наверняка остались те, кто и сегодня называет себя марксистами. Руководствуясь принципом свободы мысли, никто не может оспорить их право самим выбирать мировоззрение и интеллектуальное направление, с которым согласуются их собственные взгляды. Тем не менее для старшего поколения, сталкивающегося с необходимостью пересмотреть свое отношение к Марксу и марксизму, может пригодиться знакомство с критическими замечаниями одного венгерского экономиста.

Не только старшим коллегам, но и молодым имеет смысл переосмыслить идеи Маркса. Многие уже учатся в западных университетах или знакомились с теорией экономики по учебникам, написанным с позиций так называемой мейнстримной экономики. В глазах многих проповедников этого направления Маркс остается «нечеловеком», давно почившим экономистом, который неверно понимал мир, чьи труды не имеют никакого отношения к современному человеку. Огромное заблуждение! Надеюсь, заключительная часть сумеет пошатнуть скептицизм и самоуверенность молодежи и сподвигнет кого-нибудь из читателей вновь обратиться к теоретическим воззрениям Маркса. Уверен: у Маркса и сегодня есть чему поучиться; у него немало мыслей, совершенно зрелых новаторских теоретических идей, которые не потеряли актуальности и сегодня.

* * *

Выражаю благодарность Институту экономической политики им. Е. Т. Гайдара за готовность издать русский перевод моей книги. Я очень уважал Егора Гайдара. Хорошо помню нашу первую личную встречу, задолго до краха советской империи. Он пришел ко мне в гостиницу, где я остановился в качестве участника международной конференции. В начале разговора Гайдар дал мне понять, что в гостинице не стоит обсуждать серьезные вопросы – он явно опасался прослушки. Прогуливаясь по парку, мы беседовали – очень искренне – о перспективах социализма. Он хорошо знал мои работы и не раз отмечал, что они существенно повлияли на его образ мыслей. Впоследствии мы не раз встречались – то в Москве, то в Гарвардском университете, где я преподавал, а Гайдар выступал в качестве приглашенного лектора. Он неустанно работал над тем, чтобы в России утвердились демократические и политические свободы, эффективно заработала капиталистическая рыночная экономика. Увы, его уже нет с нами, и это большая потеря; для меня было бы большой честью и радостью, если бы мою новую книгу мог представить Егор Гайдар.

Я благодарен факультету свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета и лично Даниле Раскову. Без его инициативы и деятельной поддержки эта книга не состоялась бы.

И наконец, хочу сказать спасибо Оксане Якименко, которая ранее уже перевела мою автобиографию «Силой мысли» (по мнению моих друзей, перевод получился очень удачный), а теперь выполнила перевод и этой книги. За годы знакомства отношения автор – переводчик успели перерасти в настоящую интеллектуальную дружбу. Приятно осознавать, что у меня в России есть такие друзья, как Оксана.

С волнением жду, как отнесутся к этой небольшой книге российские читатели.

*2012 год, апрель
Венгрия, Будапешт
Янош Корнай*

Введение

Самые разнообразные чувства и мысли подтолкнули меня к тому, чтобы посвятить эту книгу прежним, нынешним и будущим студентам и преподавателям Коллегиума (колледжа) имени Ласло Райка¹. Десятилетия совместной работы связали нас множеством нитей. Я с удовольствием «репетировал» свои лекции в Коллегиуме – анализ того, как реагировали на мои выступления слушатели Коллегиума, помогал мыслям обрести более зрелую форму. Среди тех, кто сотрудничал со мной в качестве научных ассистентов, почти все, за небольшим исключением, были слушателями Коллегиума². Помимо непосредственных рабочих связей, я не раз получал ценные консультации от преподавателей и выпускников этого учебного заведения, которые впоследствии заняли различные посты в политической, экономической и научной сфере. «Семинар по дефициту», организованный Аггиллой Чиканом для слушателей Коллегиума в 1980-е годы дал серьезный толчок для распространения моих идей, связанных с критикой социалистической системы.

Но не только личные привязанности побудили меня посвятить книгу именно этому учебному заведению. В кадаровские годы в Коллегиуме имени Райка студентов приучали к интеллектуальной независимости, критическому восприятию «официальных» учений, открытости в отношении новых идей. И этот дух не умер, он продолжает царить в сообществе людей, которые, к счастью, ни в прошлом, ни в настоящем не были и не будут одиноки. Упоминание Коллегиума в самом начале несет символический смысл: мне бы хотелось обратить внимание молодого поколения на этот пример. Сборник составлен, в первую очередь, для тех, кто изучает экономику, и среди них – для тех, кто готов критически оценить учебные материалы, предлагаемые для обязательного изучения, и, помимо основательного анализа обязательной литературы, ознакомиться с альтернативными воззрениями.

Кроме того: было бы недурно, если бы эту книгу взяли в руки не только любопытствующие студенты, но и их преподаватели, независимо от того, согласны они или нет с моими мыслями, изложенными в других моих работах. И уж если расширять круг потенциальных читателей, неплохо бы добавить к нему специалистов по другим общественным наукам, в первую очередь социологов, политологов и тех, кто занимается современной историей. Я старался формулировать мысли так, чтобы тексты были понятны и тем «продвинутым» читателям, которые не обладают специальной экономической подготовкой, но интересуются экономикой и общественными процессами. Если какая-то часть текста более специального характера покажется им сложной для понимания, ход рассуждений и выводы можно понять, даже выпустив такую часть.

¹ Коллегиум имени Ласло Райка – колледж при Университете Корвина в Будапеште, с одной стороны, и автономное учебное заведение, демократическое сообщество студентов – с другой. Основан в 1970 году в рамках Экономического университета им. Карла Маркса (прежнее название университета Корвина). Старейшее учебное заведение подобного типа в Венгрии, образец для создания аналогичных колледжей при других университетах страны. В 1970-1980-е годы Коллегиум играл важную роль в политической жизни Венгрии, выступая в качестве организатора различных политических форумов, где могла выступать оппозиция. Коллегиум носит имя Ласло Райка – видного коммунистического деятеля, одного из организаторов венгерского сопротивления во время Второй мировой войны, а впоследствии – члена коммунистического правительства, министра внутренних, а затем иностранных дел. В октябре 1949 года Райк был казнен по обвинению в шпионаже после показательного процесса; реабилитирован в 1956 *тощ.* – *Прим. пер.*

² Среди тех, кто долгие годы самоотверженно помогал мне, хочу, в первую очередь, выделить Марию Ковач и Агнеш Бенедикт. В разное время со мной работали Цецилия Хорнок, Юдит Хюркец, Габор Иван, Моника Лукач, Балаж Муракези, Ласло Муракези, Эстер Надь, Йожеф Пал фи, Ноэми Петер, Дердь Зух, Каталин Сечи и Янош ИштванТот. Все эти молодые люди имели характер, но всех их отличала интеллигентность, жажда знаний, совестливость. Обо всех я вспоминаю с теплом и любовью.

Одной ногой внутри, другой – снаружи: мои отношения с мейнстримной экономикой

После смены режима в венгерской высшей школе студентам экономических специальностей стали преподавать теоретические дисциплины (экономическую теорию, микро– и макроэкономику) на основе теоретической системы и метода, которые принято называть мейнстримом³. Нам известны ученые и образовательные центры, работающие исключительно в рамках этой школы, в иных местах речь о конкурирующих направлениях заходит, но их влияние задавлено мейнстримом.

Мейнстримной экономике удалось так быстро распространиться по нескольким причинам, из которых упомяну лишь несколько – не по порядку и не по степени важности. Ключевыми факторами стали: высокая объяснительная способность элементов традиционной теории, строгая логика, элегантность и «красота» математических моделей, убедительное эмпирическое подтверждение многочисленных положений посредством современных математических и статистических методов; словом, интеллектуальная привлекательность. Сильное впечатление произвел пример кафедр экономики в крупных западных, в первую очередь американских университетах. Молодое, хорошо подготовленное, талантливое поколение студентов, которые получили свои докторские степени в этих университетах, уже не нуждалось в «перепрограммировании» экономического сознания, им не надо было «переходить» с Маркса на Самуэльсона и Фридмана, ведь в их головах уже изначально были заложены основы и аналитические методы мейнстримного учения.

Эта школа сумела завоевать искренних сторонников не только в молодежных кругах, но и среди представителей старшего поколения, многие из которых начали пересмотр собственных идей до 1989–1990 годов. Еще до смены системы эти экономисты – ученые и преподаватели – глубоко разочаровались в пустых, неопределенных и недоказуемых умозаключениях, в догматизме, который исключал любое соотнесение убедительной аргументации и теоретических положений с реальностью. В их представлении преподавание марксистско-ленинской политической экономии ассоциировалось с «востоком», а мейнстримная экономическая наука – с «западом», поэтому они и были готовы всем сердцем воспринять последнюю. Многие уже заранее основательно ознакомились с корпусом современного мейнстрима, и лишь политические обстоятельства не давали им широко и открыто преподавать экономику в данном ключе.

У многих преподавателей искреннее убеждение подогревается интеллектуальным высокомерием. Они презирают всех, кто находится вне основного направления, объясняя Маргинальность остальных (и, признаемся, нередко делают это с полным правом) тем, что не мейнстримные экономисты не сумели овладеть современными знаниями и аналитическими методами и прикрывают свое невежество «альтернативными» умствованиями. Новоиспеченные приверженцы мейнстрима с энтузиазмом неофитов изгоняют всех, кто думает иначе, и даже внутри самого течения возникают все новые и новые направления.

Как соотносятся мои работы, включая данную книгу, с мейнстримом? Обычно я говорю, что одной ногой стою в мейнстриме, а второй – за его пределами. Я с уважением отношусь к объяснительной силе традиционных теорий и считаю работоспособными предлагаемые ими аналитические методы. В то же время я не считаю, что этот теоретический подход позволяет

³ В задачи введения не входит описание основных характеристик мейнстримной экономики. Но даже если бы я попытался это сделать, то ступил бы на крайне зыбкую почву, ведь даже среди тех, кто находится внутри профессии, нет единого мнения относительно границ между «ортодоксами» и «еретиками». В процессе ознакомления с частями I и II читатель сможет получить ориентиры, которые помогут ему разобраться в концепции мейнстрима. Ранее для обозначения этой школы использовали термин «неоклассическая теория», однако теперь чаще встречается термин «мейнстрим», который охватывает более широкий спектр экономических воззрений.

объяснить *любое* важное явление в экономике, а утверждения о его *универсальности* далеки от истины. Работы, выполненные в духе мейнстрима, проливают свет на важнейшие взаимосвязи, однако полученные результаты лишь частично соответствуют истине.

В своих исследованиях я многое заимствую из идей мейнстримной экономики и в то же время расхожусь с ней по ряду существенных вопросов. Читатель найдет в книге примеры и того, и другого. Я ни на минуту не хотел бы заставить кого-то думать, будто собираюсь, говоря языком картежников, – «kozyрять» перед экономическим мейнстримом. Я всего лишь пытаюсь заменить одну частичную истину другой (по моему мнению, более убедительной) или дать новые ответы на вопросы, оставленные традиционной теорией без ответа.

В конце части II я привожу красивую индийскую притчу о господине, который призвал к себе слепцов и приказал им описать слона. Один слепец пощупал ноги животного и сказал, что слон похож на толстую колонну, второй схватил слона за хобот и сравнил с мягкой, тонкой и гибкой трубой.

«Ортодоксальные» представители мейнстрима и «еретики» от экономики ощупывают разные участки гигантского туловища – сложной конструкции современной экономики. Во введении мне хотелось бы суммировать результаты того, что удалось «нащупать» мне лично.

1. Социализм и капитализм в сравнении. Анализ социалистической системы стал для меня не просто темой исследования, каковой он является для западного советолога или китайского специалиста. Я жил в ней, будучи гражданином социалистической страны: сначала как восторженный сторонник, а затем в роли разочаровавшегося критика, интеллектуального бунтаря. Я на себе испытал, как работает система, и это дополнило те сведения, которые мне удалось накопить в качестве исследователя. Начиная с 1960-х годов я проводил немало времени в капиталистических странах, причем ездил туда не в кратковременные турпоездки, а надолго – как преподаватель и ученый. Так я получил возможность познакомиться изнутри и с другой системой. Постоянное сравнение социализма с капитализмом по самым разнообразным параметрам стало для меня привычной мыслительной рутинной. Подобная практика раскрыла мне глаза на такие сходства и различия, симметричные и асимметричные характеристики, которые ускользают от внимания тех, кто живет в условиях лишь одной системы. Для мейнстримного экономиста капитализм – главная экономическая система, а не одна из исторически возможных систем. Такой специалист может с интересом читать в газетах новости о мире за железным занавесом или о холодной войне, но как пища для исследовательского ума эта часть мира не представляет интереса. Притом что в кульминационный период существования социалистической системы треть населения Земли жила при социализме, типичный западный экономист не видел в социализме ничего, кроме выродившейся формации, уродца, который не заслуживает внимания со стороны ученого, занятого изучением «нормального» мира. Уверен, что последовательное сравнение социалистической и капиталистической систем послужит убедительным уроком и в наши дни, когда первая система уже отошла в прошлое, а будущее есть только у второй – надеюсь, данный сборник сумеет это продемонстрировать. Выводы и уроки дополняют материал, который уже удалось собрать экономистам, работающим внутри капиталистической системы.

2. Анализ уроков, полученных в процессе постсоциалистического перехода. Считаю, что мне повезло дожить до развала советской империи и перехода от социалистической системы к капиталистической. Среди великих трансформаций (по определению Карла Полани) мировой истории это была одна из самых важных и захватывающих. Мы, восточноевропейские экономисты, сумели не только стать объектами (выигравшими или проигравшими) неповторимого исторического эксперимента, но одновременно наблюдать и исследовать его. Эксперимент этот проводился не в лаборатории, в искусственно созданной среде, но *in vivo* – на живых

людях, живом общественном организме. Теоретиков мейнстрима этот эксперимент не слишком заинтересовал; у них почти нет работ, в которых они ссылались бы на личный опыт. Я же со своей стороны стремился держать ухо востро: следить, как меняется соотношение сил на рынке, как трансформируются интересы и поведение людей, системы связей между ними, как трансформируются явные и тайные стимулы. Мы могли исходя из непосредственных наблюдений, эмпирическим путем анализировать такие изменения, которые типичные мейнстримные экономисты-теоретики изучают с помощью теоретических моделей, симуляционных вычислений или искусственных экспериментов. По моему убеждению, анализ этого уникального и захватывающего эксперимента обогатит новыми данными не только экономику, но и все сферы общественного знания.

3. Системная парадигма. Как и в прежних работах, на первый план моего исследования здесь выходят «большие» системы. Ранее я уже назвал этот подход системной парадигмой (Kornai, 2007, глава 8). Прочитую название одной из книг выдающегося историка теоретической мысли Чарльза Тилли, где лаконично изложены основные предметы его исследований: «Большие структуры, значительные процессы, гигантские сравнения» (Tilly, 1984). Такие структуры, процессы огромной силы и всеобъемлющие сравнения интересуют и меня. Именно эти «большие» картины, мощные контуры растворяются, теряют насыщенность в работах мейнстримных экономистов, особенно в их бледных учебных вариантах; вместо этого на головы учащихся вываливаются тонны тщательно выписанных деталей.

4. Пересмотр описания рынка. Особое внимание в сборнике уделяется связям между производителем и потребителем, продавцом и покупателем. Картина, которая остается в голове у студента после изучения курса микроэкономики, представляется мне излишне упрощенной. Проблема не в том, что проектор преподавателя высвечивает на экране абстрактные модели – любая теория заставляет сводить все к абстракции. Беда в том, что стандартные модели игнорируют важные характеристики, и в результате в голове остается искаженная картина. Я стремился обрисовать более достоверную картину рынка, дополняя представления мейнстримной экономики и нередко вступая с ними в спор. Я могу этим заниматься, имея за спиной совершенно иной опыт. Мне довелось испытать дефицитную экономику социализма, поэтому я иначе воспринимаю изобилие, принесенное капитализмом. Мне известно, что означают с точки зрения функционирования рынка частная собственность и конкуренция производителей и продавцов, ведь мне известен механизм распределения, при котором блага раздает бюрократия.

5. Позитивный и нормативный подходы. Насколько это возможно, я стараюсь разделять *позитивное* описание ситуации, анализ ее структуры и фиксацию причинно-следственных связей и *нормативный* подход. Это, между прочим, не противоречит главной теоретической отправной точке мейнстрима. Тем не менее многие экономисты магистрального направления не склонны системно чередовать в своих работах позитивный и нормативный подходы. Они приводят самые разные отговорки: например, утверждают, будто «научным» может считаться только позитивный анализ, а нормативный подход следует оставить политикам или философам. Другие открыто признаются, что необходимость представлять свои воззрения в рамках подобной оппозиции кажется им скучной, поэтому они предпочитают ее игнорировать. Попадают экономисты, которым не хватает духу признать, к каким этическим последствиям ведут их идеи. Или же, прояснив собственную нормативную позицию в тиши рабочего кабинета, не могут набраться храбрости изложить ее на бумаге. Я определил себе за правило до конца продумывать последствия позитивного анализа с точки зрения осуществления ценностей более высокого порядка. Во времена тоталитарной диктатуры приходилось основательно обдумывать

вать, что написать можно, а что – целесообразно (см. размышления о самоцензуре в моей автобиографии: Корнаи, 2005). Свобода слова сняла эти рамки. Ничто не удерживает ни меня, ни других авторов от «раскрытия наших карт». Используя позитивный метод, мы описываем не только то, что есть, но и оцениваем, *хорошо* это или *плохо*, с наших собственных позиций. Одновременно мы показываем, исходя из какой *системы ценностей* мы отделяем хорошее от плохого. Со своей стороны, я стремлюсь строго разграничивать позитивный и нормативный подходы и стараюсь, чтобы читателю было ясно, на какую систему ценностей я опираюсь в своих суждениях. Естественно, ни от кого нельзя требовать, чтобы подобные признания рефреном повторялись в каждой работе или в каждой главе. Однако надеюсь, что после прочтения всех четырех статей сборника читателю станет ясно, на какой ценностной системе автор строит свои нормативные оценки.

6. Требование строгости. В ходе первых десятилетий моей научной карьеры во главе угла для меня стояли теоретические математические модели и вычисления, использующие большие объемы данных. Впоследствии для моих работ стали более характерны вербальные рассуждения, хотя и сейчас я периодически обращаюсь к математическим моделям и эконометрическим вычислениям. Подчеркиваю, я ничуть не утратил уважения к математическим моделям и эконометрическим инструментам и к той важной роли, которую они играют в познании реальности. Я решительно не согласен с тем, кто призывает «отказаться от математики» и чересчур легкомысленно рассуждает об этих необходимых методах экономического исследования.

Важные новые идеи, как правило, начинаются с признания того, что проблема существует: исследователь-новатор видит *вопрос* там, где по мнению большинства ответ уже хорошо известен. Данный этап исследования обычно оформляется в голове ученого и на бумаге в «прозаической» форме.

Признание проблемы и первые теоретические утверждения часто бывают неточными и в обратной перспективе могут быть названы предположениями. Однако даже при наличии неточностей в первой формулировке важного, прогрессивного открытия, главное – то, что оно состоялось! Пусть теперь другие ученые (выдающиеся и не очень), основные силы «армии научных работников» ломают копья и исследуют дальше. На втором этапе особенно важно соотнести математическую модель и высказанное положение с опытными данными, пользуясь в том числе и методами математической статистики. Подобные инструменты позволяют более точно и четко сформулировать первые предположения и лучше понять связи между явлениями.

Третий этап – расшифровка результатов, полученных в ходе теоретических разработок, – иногда сопровождается выводами для практической экономической политики. Здесь вновь необходимо выйти за пределы абстрактного мира математических моделей. Чем больше мы хотим приблизиться к реальности, тем интенсивнее следует встраивать в картину, нарисованную исследователем, те элементы, которые мы прежде намеренно игнорировали⁴.

Моя нынешняя склонность к вербальному изложению собственных мыслей объясняется, в первую очередь, тем, о чем шла речь выше: меня все чаще интересуют «большие» системы, «масштабные» взаимосвязи и «грандиозные» процессы. Не считаю себя способным сформулировать свои нынешние идеи с помощью инструментов математического моделирования. Но буду искренне рад, если другие экономисты сумеют изобразить описанные в сборнике струк-

⁴ Три описанных здесь процесса не всегда следуют один за другим и часто сосуществуют параллельно. Я отдаю себе отчет в том, что история науки содержит немало противоположных примеров: бывали случаи, когда выдающиеся озарения сразу возникали в мозгу ученого в полноценной математической форме.

туры и процессы посредством математических моделей – хотя бы частично, укрупняя отдельные черты.

Было бы ошибкой полагать, будто математический язык – необходимый и достаточный инструмент, позволяющий точно сформулировать идею. Начав заниматься экономикой, математический гений Янош (Джон) Нейман писал: «Особенно сложным в экономике представляется определение категорий <...> отсутствие точности всегда есть продукт понятийной сферы» (Neumann, 1955 [1965]). Многие математические модели в экономике лишь на первый взгляд кажутся точными – достаточно копнуть чуть глубже, и выясняется, что понятия, фигурирующие в этих моделях, довольно размыты. В своих работах (включая и данный сборник) я снова и снова «вытаскиваю» привычные экономические термины и пробую истолковать их как можно глубже, прояснить смысл понятий. Некоторым читателям такое постоянное прояснение понятий может показаться скучным, но для меня это неотъемлемая составляющая стремления к точности высказывания.

Еще одно обязательное требование – логическая строгость аргументации: направление причинно-следственных связей, где наблюдается взаимное влияние, какие элементы можно поставить в один ряд и т. д. Математические модели нередко помогают выстроить мысли в логическом порядке, но иногда и мешают это сделать. И математика, и «проза» лишь языки, с помощью которых можно описать некоторые связи, но ни тот ни другой язык не гарантирует логичности аргументации. В какие бы формы мы ни облекали наши мысли, их последовательность может быть как логичной, так и спутанной.

Читатель может проверить, соответствуют ли приведенные в сборнике исследования перечисленным критериям. Надеюсь, он как минимум признает, что я искренне старался им следовать.

7. Связь с историей экономических учений. Демонстрируя результаты исследований, я стараюсь представить их в контексте истории экономических учений. Я ссылаюсь не только на работы, опубликованные за последние несколько лет в крупнейших журналах – это делают все в обязательном порядке. Я стараюсь заглянуть в более глубокое прошлое, порой даже на 100–150 лет назад, чтобы обнаружить те идейные направления, традиции которых я продолжаю или с которыми спорю. Сегодня подобные экскурсы уже не в моде. Многие в своих исследованиях довольствуются ссылкой ко всеми цитируемым работам, тем, что все время на слуху. Не раз приходилось слышать шокирующую фразу: «Чего нет в Интернете, то и читать не стоит». Я безо всякого стыда принимаю на себя роль «вымирающего вида». Меня по-прежнему интересует, с чем я могу согласиться в работах отцов-основателей нашей науки; в своем воображении я спорю с Адамом Смитом, Марксом, Вальрасом, Хайеком и другими, давно почившими экономистами. В части II книги я, наверное, активнее всего пытаюсь установить внутренние связи между различными школами и направлениями и собственными теоретическими выкладками. Часть IV же я целиком посвятил рассказу о том, какой мне видится роль Маркса в истории экономической теории и политической практики. Выбор темы определило то огромное влияние, которое оказали идеи Маркса на коммунистические партии, десятилетиями удерживавшие власть, и на формирование официальной идеологии социалистического режима.

8. От первого лица. В некоторых местах сборника я позволяю себе выступать от первого лица. Мои тексты отличаются от стандартных экономических исследований не только содержанием и специфической методикой, но тональностью и стилем. Редакторы, корректоры и авторы ведущих журналов требуют, чтобы статьи были бесстрастными, похожими на математические или химические исследования. Чем суше, тем научнее. Если работа не достаточно свободна от эмоций и личных замечаний, она не считается в должной степени академической,

но рассматривается как «эссе», и – что уж тут отрицать – употребляющие слово «эссе» в данном контексте произносят его с пренебрежительной интонацией.

Мне бы не хотелось пускаться в рассуждения о том, что делает текст «научным»⁵. Тут мы имеем дело с одной из сложнейших проблем философии науки, особенно это касается общественных наук, которые с трудом справляются с концептуальной четкостью и эмпирическими доказательствами. Я же, пусть и без должной скромности, рассматриваю эту книгу как научный, «академический» труд, где автор оперирует (в рамках исследования) четкими понятиями и стремится подкрепить свои положения, рассуждая последовательно, приводя логичную аргументацию и опираясь на эмпирические наблюдения.

Я сопоставил характерные черты своих работ с характерными особенностями исследований в русле мейнстримной экономики. Если посмотреть на каждую характеристику в отдельности, ни одну из них нельзя отнести исключительно на мой счет. К счастью, во всех этих проявлениях я не одинок. Однако если взять все эти восемь характеристик в совокупности, мне вряд ли удастся найти товарищей – мало кто разделяет со мной весь «набор свойств». Я мог бы этим гордиться: мои работы сложно поместить в конкретный ящик какого-нибудь экономического учения; характерные для меня мыслительный процесс, методология исследования и стиль не соотносятся ни с одним из известных направлений. Но есть в моем положении и невеселая сторона. Среди мейнстримных экономистов существует некое интеллектуальное «братство». Даже когда они спорят друг с другом, основные столпы их научного инструментария остаются одними и теми же. Они говорят на одном языке. В мире «неортодоксальной» экономики существуют разрозненные группы: представители одних не следят за тем, что производят другие. Иногда они объединяются, но по-прежнему остаются одиночками (см. работы Коландера и Россера: Colander et al., 2004; Rosser et al., 2010).

Надеюсь, преподаватели основ экономической теории сумеют проявить широту мысли и, наряду с обязательными для изучения работами и учебниками по мейнстримной экономике, предложат (хотя бы и в разделе рекомендуемой литературы, в качестве вечернего самостоятельного чтения) этот небольшой сборник или какую-нибудь из опубликованных в нем статей и, конечно, другие, не совсем «ортодоксальные» или совершенно «еретические» тексты.

Беседуя о преподавании экономики в современных венгерских вузах, я не раз сталкивался с такой точкой зрения: студенты *сначала* должны как следует ознакомиться с материалами, которые предлагает им магистральная экономика, а уж *потом*, вызубрив ее положения наизусть, браться за других авторов. Мне подобный порядок представляется ошибочным. Я и сам многие годы призываю студентов основательно изучать мейнстримную экономику. Нельзя критиковать то, с чем не знаком; нельзя примыкать к «неортодоксальной» школе, не имея за плечами стандартной подготовки. Но основательное изучение – это одно, а некритическое принятие – совсем другое. Преподаватель, приучающий молодежь к интеллектуальному холопству, причиняет огромный вред. Посвящая книгу Коллегиуму имени Райка, я ставлю его в пример молодым, ведь в стенах этого учебного заведения царит если не идейное бунтарство, то, по крайней мере, критический настрой и, в хорошем смысле, интеллектуальное «безумие». Предлагая эту книгу студентам и преподавателям Коллегиума, я хотел донести до молодых экономистов следующую мысль: никогда нельзя принимать на веру то, чему учат преподаватели и учебники.

⁵ См., например, работы Макклоски (McCloskey, 1998, 2002).

Критический взгляд – в защиту капитализма

Пришла пора прокомментировать название сборника. Сегодня многие не осмеливаются признать себя приверженцами капиталистической системы – пытаются ловчить, придумывают другие названия. Иным кажется, будто словосочетание «рыночная экономика» не так оскорбляет слух. Еще лучше звучит введенное в Германии после войны выражение «социальная рыночная экономика». Все это создает ложную иллюзию, будто вместо социализма и капитализма был выбран некий третий путь. На самом деле в Германии и других экономически развитых странах функционирует современная капиталистическая система, для которой, кроме всего прочего, характерны насильственное перераспределение и широкий спектр государственных услуг.

В экономической науке присутствует целый ряд довольно влиятельных течений, которые стараются дать капитализму не только более «приемлемое» название, но и всерьез намереваются направить общество по третьему пути. Их цель – построить такую систему, которая могла бы успешно сочетать в себе положительные черты социализма и капитализма и отсеять негативные свойства обеих систем.

Существуют (хотя и не оказывают сильного влияния) «радикальные левые» течения, выступающие резко против капитализма и жаждущие установить вместо него социалистический режим. Сторонники подобных течений, как правило, оговаривают, что хотели бы создать социалистическую систему, свободную от тяжелого наследия предыдущих попыток, связанных с именами Сталина или Мао Цзэдуна.

Я со своей стороны не боюсь заявить, что не принадлежу ни к одной из вышеперечисленных группировок, но *однозначно* поддерживаю капиталистическую систему. Меня нельзя отнести к бездумным приверженцам, способным видеть лишь преимущества системы. Не считаю капиталистическое общество «хорошим», и даже нахожу его «дурным» по многим параметрам, но – следуя за Черчиллем и его высказыванием о демократии – продолжаю считать капитализм наименьшим злом из возможных вариантов. Самое главное: в моих глазах он явно выигрывает по сравнению с единственной *воплощенной в жизнь* альтернативой – социалистической системой.

Ключевая задача вошедших в сборник работ – показать *истинные* преимущества капитализма. Учебники, написанные в русле традиционных представлений, рисуют лишь приблизительную картину, делая центром анализа координирующую и уравнивающую роль рынка. Это, безусловно, тоже важно, но куда важнее то, что стало темой первой части книги: капитализм стимулирует инновации, служит двигателем технического прогресса и модернизации. Почти все изобретения, ставшие неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, были созданы в условиях капитализма.

Демонстрация преимуществ системы сочетается и с ее критикой. Двадцать пять лет назад, когда сборник моих исследований «Противоречия и дилеммы» (Kornai, 1983) был издан в Америке (Kornai, 1986), один из лидеров современной макроэкономики, профессор Массачусетского технологического института Роберт Солоу написал отзыв для обложки: «Янош Корнай – это своего рода Джонатан Свифт: тихий гуманист, знаток западной экономической теории, живущий в условиях восточной экономики внимательный наблюдатель. Смотрите: скоро он и о нас напишет!» Этого «скоро» пришлось ждать довольно долго, но дошла очередь и до западной экономики. Я взялся за работу над темой, предложенной Робертом Солоу, и на протяжении многих лет продолжаю критиковать капиталистическую систему – пусть не в сатирических романах, как Свифт, но хотя бы в научных трудах.

Представители мейнстримной экономики тоже подвергают анализу отрицательные стороны капитализма. Многие в процессе критики испытывают наивный оптимизм, считая, будто

проблемы, характерные для этой системы, это всего лишь «ошибки», которые можно устранить и даже предотвратить с помощью должного государственного регулирования или случайных вмешательств. Это справедливо в отношении ряда недостатков, но меня занимают не эти проблемы. Я уверен: у каждой системы – и капитализм не исключение – есть *врожденные* пороки. Они закодированы в ее клетках. Подобные недостатки можно смягчить посредством надлежащих мер, но избавиться от них невозможно. Рефреном моих работ служит тема *системно обусловленных характеристик*, а именно – демонстрация постоянных, имманентных свойств, как положительных, так и отрицательных, а затем – разбор механизмов, которые обуславливают возникновение системных характеристик. Переходя от статьи к статье, читатель еще лучше поймет, чем отличается наивно-оптимистический подход к проблемам (*ошибка? давайте разберемся и исправим ее!*) от трезвого, зачастую нерадостного осознания того, что существуют неразрешимые, неустранимые проблемы (максимум – их можно «приглушить»), и надо учиться жить с ними.

В данной книге я не обращаюсь к вопросам политической или экономической жизни современной Венгрии. Актуальным проблемам венгерской жизни посвящены другие мои работы, но здесь нет ни одной статьи на «венгерскую тему». Речь идет либо о капиталистической системе вообще, либо о постсоциалистической трансформации (но в самом общем ключе). Хотя отдельные ссылки на венгерскую полемику все же встречаются.

Приведу лишь один актуальный вопрос.

В Венгрии, как и в других странах, не первый год на повестке дня стоит вопрос о трансформации социального государства и связанных с этим так называемых структурных реформах. Из уст политиков, правительственных чиновников и ученых звучат непродуманные, наспех составленные предложения. Я в своей книге никаких программ не предлагаю, однако почти в каждой из частей обращаю внимание на достоинства, недостатки и риски того или иного пути. Как повлияет расширение или сужение различных сегментов государства всеобщего благосостояния на инновационные процессы и дух предпринимательства? Какую пользу и какой вред принесет сокращение конкуренции и рост централизации? (Части I и II) Как связаны практические изменения в сфере отношений собственности и формах координации с такими вечными ценностями, как свобода, равенство и братство? (Часть III).

Я привел лишь некоторые из целого набора злободневных тем. Читатель, чувствительный к подобным вещам, сумеет сделать и другие практические выводы из теоретических рассуждений, приведенных в сборнике.

Бесконечная работа

Я сдал книгу в печать с тяжелым сердцем. Лучше было издать не сборник из четырех статей на двести с лишним страниц, а серьезную монографию, страниц на семьсот, под названием «Капиталистическая система», которая могла бы стать парой для книги «Социалистическая система», вышедшей в 1993 году (в ней, кстати, было 670 страниц).

Четыре статьи – плод работы последних нескольких лет, однако изложенные в них мысли вызревали у меня давно. Началось все с моей кандидатской диссертации «Сверхцентрализация управления экономикой» (1957), рукопись которой была закончена более пятидесяти лет тому назад. В нынешнем сборнике, особенно в части II, я упрямо возвращаюсь к вопросам, ставшим центральной темой моих исследований в книгах «Антиравновесие» (1970) и «Дефицит» (1980): ревизии базовой концепции микроэкономики, критике концепции рыночного равновесия, описанию асимметричного состояния рынка и т. д. Анализируя социализм, я никогда не забывал о его главном антиподе – капитализме. Об этом я не раз упоминал в своих работах, но теперь пришло время написать книгу, в которой капитализм упоминался бы не во вторую очередь, но послужил бы центральной темой исследования. Получается, что я совершил полный круг и вернулся в отправную точку.

Уверен, что сложившаяся в моих работах парадигма, научная позиция, манера ставить вопросы, понятийная система и методология позволяют описывать и анализировать не только социализм и постсоциалистический переход, но годятся и для описания и анализа капитализма, служа дополнением к уже имеющимся парадигмам, понятийным системам и методикам.

Перед читателем предстает лишь «торс» – скульптура, лишь наполовину высеченная из каменной глыбы. Мир потряс тяжелейший экономический кризис, но теории кризиса читатель в этой книге не найдет. В последние годы внимание экономистов было приковано к валютной и денежно-кредитной политике, работе банков и других финансовых институтов, но статей о финансовой системе в сборнике тоже нет. Я мог бы продолжить перечень – будь в книге 670 страниц, их было бы чем заполнить.

Для меня (и, скорее всего, для читателя) проблема состоит не только в том, что в книгу не вошли важные темы, необходимые для комплексного понимания капиталистической системы, но и отсутствие в сборнике единой конструкции. В него вошли четыре отдельные статьи. Я не стал называть их главами – это явствует и из содержания; речь идет о четырех самостоятельных исследованиях. Их связывает общая позиция, которую я попытался изложить во введении; ссылки указывают на связь между частями. В жанровом отношении части неоднородны, не удалось полностью избежать и повторов⁶.

Но на большее меня уже не хватает. На момент выхода книги мне исполнилось 83 года. Было бы самонадеянно обещать себе, будто я напишу «большую» книгу на 670 страниц. Это я и попытался объяснить читателю во введении. По той же причине я не стал называть сборник «Капиталистическая система», но назвал его скромнее: «Размышления о капитализме».

Надеюсь, что эта книга, в своей незаконченности, заставит читателя задуматься. Вдруг да найдется тот, кому захочется найти ответы на поставленные мною вопросы, создать модели для идей, изложенных вербально и проверить их на практике. Могу лишь пообещать, что добавлю еще пару глав к ненаписанной пока «большой» книге.

⁶ Это объясняется еще и тем, что при использовании сборника в учебных целях статьи можно рекомендовать при изучении той или иной темы по отдельности. С этой точки зрения важно, чтобы каждая часть была понятна сама по себе, в отрыве от остальных.

Все изложенное выше задумывалось мной как вступление, однако я бы порекомендовал читателю вернуться к этому тексту после прочтения самой книги. Многое из сказанного здесь станет понятнее, если ознакомиться непосредственно с четырьмя статьями сборника.

* * *

В сносках к каждой из частей я выражаю благодарность тем, кто оказал мне помощь в написании конкретной статьи. Во введении хотел бы перечислить тех, кто участвовал в подготовке сборника в целом.

В последние годы я не раз падал духом и был готов оставить научную деятельность. В том, что я все-таки продолжил работу и добрался до публикации этого сборника, главная заслуга принадлежит моей жене, Жуже Даниэл. Без ее помощи и поддержки, без ее мудрых советов ни одно из этих исследований не было бы опубликовано.

Благодарю за огромную помощь, которую оказали мне Каталин Дешэ, Хеди Эрдэш, Рита Фанчовиц, Илдико Мадяри, Илдико Пете, Андреа Ремени и Каталин Сечи. Спасибо им за внимание и самоотверженную работу. Хотелось бы выразить отдельную благодарность Анне Паткош – на протяжении двадцати лет она редактирует почти все мои тексты, будь то статья в журнале или книга. Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с таким ответственным и знающим редактором, как Анна.

Я чувствую себя счастливым человеком, ведь мне довелось работать в Коллегиум Будапешт – уникальном центре научной мысли. Здесь, в центре Будапештской крепости, даже стены, исторические памятники и восхитительная панорама столицы, открывающаяся из окон, дают силы и вдохновение для умственного труда, а свобода исследований и споров по-настоящему подстегивает, заставляет активнее мыслить.

Благодарю издательство Академии наук и, прежде всего, главного редактора, Каталин Фехер, за готовность оперативно издать мою книгу.

*2011 год, февраль
Венгрия, Будапешт
Янош Корнай*

Часть I Инновации и динамизм. Как влияют друг на друга системы и технический прогресс

Введение

Текст доклада, прочитанного на конференции Всемирного университета развития и экономики ООН (UNU – WIDER) «Отражения переходного периода: спустя двадцать лет после падения Берлинской стены» (2009 год. 18–19 сентября. Хельсинки).

Выражаю благодарность за ценные замечания, сбор данных и прочих материалов своим коллегам: Джулиану Куперу, Жуже Даниэл, Жолту Фекете, Томашу Годецки, Филипу Хэнсону, Ежи Хауснеру, Юдит Хюркец, Ласло З. Карваличу, Зденеку Кудрне, Михаю Лаки, Лукасу Мамице, Тибору Месманну, Даниэлю Роне, Андрашу Шимоновичу, Каталин Сабо и Чен Гуан Суй. Благодарю также Коллегиум Будапешт и Центрально-Европейский университет за постоянную помощь и создание атмосферы, стимулирующей исследовательскую деятельность. Большую работу по редактированию текста проделали Хеди Эрдеш, Рита Фанчовиц, Каталин Левайне Дешэ, Андреа Ремени и Ласло Тот.

Суть постсоциалистического перехода можно легко сформулировать в нескольких словах: в большинстве бывших соцстран на смену социализму пришел капитализм – тем самым история предлагает самое убедительное подтверждение предположению, будто капитализм – явление более высокого порядка, нежели социализм. Однако наша обязанность состоит в том, чтобы продолжить непредвзятое и беспристрастное сравнение двух систем. Сейчас это особенно важно, поскольку мы переживаем непростые времена, и в значительной части общества чувствуется ностальгия по старой системе, потерпевшей крах. Наша задача – убедить сограждан в том, что мы движемся в верном направлении. Подобное оптимистичное убеждение поддерживается рядом доводов, из которых хотелось бы выделить одно преимущество капитализма – его инновационную и динамичную природу. В первой части исследования я развиваю мысль о том, что скорость инноваций и динамизм – не случайные явления, которых может и не быть, напротив – это системные свойства, глубоко укорененные в капиталистической системе; в свою очередь, неспособность социализма создавать революционно новые продукты и замедление технического прогресса в других измерениях являются не следствием каких-то ошибок в экономической политике, а составляют неотъемлемую часть системы.

К сожалению, об этом очевидном преимуществе капитализма обычно «забывают» как исследователи, так и обыватели вообще. Наблюдая это, я негодую, ощущаю себя обманутым, что и заставило меня избрать данную тему для своего исследования.

Вхождение в мир капитализма создает условия для развития инноваций и ускорения технического прогресса и одновременно увеличивает шансы для использования этой возможности в конкретной стране. Последнее, однако, не гарантирует полный и немедленный успех. Во второй и третьей части работы я демонстрирую проблемы переходного периода.

Грандиозное преобразование – совокупность многих процессов.

Сначала изменения произошли в области *политики*: переход от однопартийной диктатуры к многопартийной демократии, что означало окончание поддержания государством марксистско-ленинской идеологии и начало пути для конкуренции между различными идей-

ными направлениями. Одновременно с этим произошли изменения и в области экономики: государственную собственность как доминирующую сменила частная собственность. Наряду с преобразованием форм собственности радикально изменилось относительное воздействие различных координационных механизмов. Влияние централизованного бюрократического управления существенно сократилось, в то же время возросла роль рыночной координации и других децентрализованных процессов. Подобные политические и экономические трансформации вместе с другими изменениями означали *смену систем*, или переход от социализма к капитализму.

Наряду с описанными процессами на постсоциалистическом пространстве произошла трансформация иного типа – в сфере *технического прогресса*. В данной работе я использую именно такую формулировку, поскольку она уже стала привычной для всех. Но на самом деле явление, о котором идет речь, куда шире. Оно базируется на притоке новых продуктов и технологий, однако техническими моментами его воздействие вовсе не ограничивается. Само это явление – органическая часть модернизации, ведущей к глубинным преобразованиям в нашей жизни. В каком значении мной употребляется словосочетание «*технический прогресс*», станет более понятным, когда читатель ознакомится с дискуссией по теме. Естественно, технический прогресс существовал всегда, и до 1989 года, но после 1989 года его темп заметно ускорился.

Специалисты, изучающие явления постсоциалистического перехода, сосредоточили внимание на изменениях в политике, экономике и обществе и обычно рассматривают эти процессы как часть «грандиозной трансформации». Не стану грешить против истины, технический прогресс иногда удостоивается короткого упоминания, однако отсутствуют серьезные исследования взаимного влияния друг на друга смены систем и изменений, происходящих в создании и использовании новых продуктов и технологий.

Ранее я и сам упустил возможность подробно изучить данное взаимодействие: написал две работы, в которых обобщил основные последствия перемен, имевших место после 1989 года, но остановился лишь на политических и экономических изменениях, а также на анализе их взаимного влияния (Корнай, 2000, 2005b). Попробую восполнить это упущение. Таким образом, тема второй и третьей части работы – взаимное влияние смены системы после 1989 года и ускорения технического прогресса.

I-1 Капитализм, социализм и технический прогресс

1.1. Революционно новые продукты

Процесс общего технического прогресса состоит из множества подпроцессов. Начнем с крупнейших, революционных, прорывов, перечисленных в табл. 1–1 (список из 89 примеров)⁷.

ТАБЛИЦА 1–1.

Революционные инновации

Инновация	Год, страна	Компания
ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, КОММУНИКАЦИИ		
Интегральная микросхема	1961, США	Fairchild
Телефон с кнопочным набором	1963, США	AT&T
Аппарат факсимильной связи	1966, США	Xerox
Оптоволоконный кабель	1970, США	Corning
Карманный электронный калькулятор	1971, США	Bowmar
Программа обработки текстов	1972, США	Wang
Микропроцессор	1974, США	Intel
Лазерный принтер	1976, США	IBM
Модем	1978, США	Hayes
Операционная система MS-DOS	1980, США	Microsoft
Инновация	Год, страна	Компания
Винчестер (жесткий диск)	1980, США	Hard disk drive
Графический пользовательский интерфейс	1981, США	Xerox
Ноутбук	1981, США	Epson
Сенсорная панель	1983, США	Hewlett Packard
Мобильный телефон	1983, США	Motorola
Компьютерная мышь	1984, США	Apple
Сетевая информационно-поисковая система	1994, США	Web-Crawler
Переносной USB-накопитель («флэшка»)	2000, США	IBM
Скайп (голосовая и видеосвязь между компьютерами)	2003, Эстония	Skype
Социальная сеть «Facebook»	2004, США	Facebook
Сайт «YouTube» по обмену видео	2005, США	YouTube
«Умный телефон» iPhone, совмещающий функции мобильного телефона и КПК	2007, США	Apple
ПРЕДМЕТЫ БЫТА, ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ, ОДЕЖДА		
Чайный пакетик	1920, США	Joseph Krieger
Ручной электрический фен для сушки волос	1920, США	Hamilton Beach
Штепсельная вилка	1920, США	Rawplug Co.
Сушильная центрифуга	1924, США	Savage
Автоматический тостер	1925, США	Waters Center Co.
Пароэлектрический утюг	1926, США	Eldec
Электрический холодильный шкаф	1927, США	General Electric
Система кондиционирования воздуха в домашних условиях	1928, США	Carrier Engineering Co.
Неоновое освещение	1938, США	General Electric
Растворимый кофе	1938, Швейцария	Nestle
Электрическая сушилка для одежды	1938, США	Hamilton Manufacturing Co.

⁷ Авторы, пишущие о техническом прогрессе и инновациях, различают новые *продукты* и новые *технологии*. Появление новых объектов и явлений в этих двух категориях зачастую взаимосвязано. Например, копировальный аппарат – это одновременно и новый продукт, и новая технология печати. В табл. 1–1 перечислены новые продукты, поскольку, по моим представлениям, они более заметны в повседневной жизни.

Иновация	Год, страна	Компания
Нейлон	1939, США	DuPont
Кофеварка эспрессо	1946, Италия	Gaggia
Микроволновая печь	1947, США	Raytheon
Ресторан быстрого питания со сквозным проездом (драйв-ин)	1948, США	In-n-Out Burger
Пищевая пленка из поливинилхлорида (Saran)	1949, США	Dow Chemical
Полиэстер	1953, США	DuPont
Тефлоновое покрытие	1956, Франция	Tefal
Застежка-липучка (крепление Велькро)	1957, США	Velcro
Кроссовки	1958, Великобритания	Reebok
Галогеновая лампа	1959, США	General Electric
Домашний комбайн (многофункциональный)	1960, США	Robot-Coupe
Упаковка для жидкостей (Тетра Пак)	1961, Швеция	Tetra Pak
Алюминиевая упаковка для пива	1963, США	Pittsburg Brewing Co.
ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, УХОД ЗА ЛИЦОМ И ТЕЛОМ		
Лейкопластырь	1921, США	Johnson&Johnson
Бумажный платок	1924, США	Kimberley-Clark
Бумажное полотенце	1931, США	Scott Paper Co.
Электробритва	1931, США	Schick
Аэрозольный баллончик	1947, США	Aerosol Co.
Одноразовый подгузник	1949, США	Johnson&Johnson
Трансгормный слуховой аппарат	1952, США	Sonotone
Шариковый дезодорант	1955, США	Mum
Одноразовая бритва	1975, США	WIC
Жидкое моющее средство	1982, США	Procter&Gamble
ОФИСНАЯ ТЕХНИКА И КАНЦЕЛЯРИЯ		
Клейкая лента (скотч)	1930, США	3M
Шариковая ручка	1943, Аргентина	Biro Pen

Иновация	Год, страна	Компания
Корректирующая жидкость	1951, США	Mistake Out
Светокопировальный аппарат	1959, США	Haloid Xerox
Стикер	1980, США	3M
ТРАНСПОРТ		
Эскалатор	1921, США	Otis
Счетчик платы за парковку	1935, Великобритания	Dual Parking Meter Co.
Скутер	1946, Италия	Piaggio
Пассажирский самолет с реактивным двигателем	1952, США	Comet
Черный ящик (для самолетов)	1958, Великобритания	S. Davall&Son
ДОСУГ		
Кинотеатр для автомобилистов	1933, США	Hollingshead
Полароид	1948, США	Polaroid
Пульт дистанционного управления (для телевизора)	1956, США	Zenith
Конструктор из пластмассы	1958, Дания	Lego
Кукла Барби	1959, США	Mattel
Кварцевые часы	1969, Япония	Seiko
Видеомагнитофон	1971, Нидерланды	Philips
Плеер (кассетный магнитофон с наушниками)	1979, Япония	Sony
Кубик Рубика	1980, США	Ideal Toys
Компакт-диск (CD)	1982, Нидерланды, Япония	Sony, Philips
Переносная видеоигра	1989, Япония	Nintendo
Цифровой фотоаппарат	1991, США	Kodak
Продажа книг через Интернет	1995, США	Amazon
DVD	1996, Япония	Philips, Sony, Toshiba

Иновация	Год, страна	Компания
ТОРГОВЛЯ, БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		
Универсальный магазин (супермаркет)	1930, США	King Kullen
Тележка для покупок	1937, США	Humpty Dumpty Supermarket
Торговый центр	1950, США	Northgate Mall
Платежная карточка	1950, США	Diners Club
Кредитная карта	1958, США	Bank of America
Банкомат	1967, Великобритания	Barclays Bank
Экспресс-почта	1973, США	Federal Express
Штрихкод	1974, США	IBM
Заключение сделок (торговля) по Интернету	1998, США	eBay

ПРИМЕЧАНИЯ. Мы отобрали перечисленные изобретения, изучив целый ряд различных списков и баз данных. Основным *критерием включения* в данную таблицу была актуальность объектов и технологий для широких масс населения; речь шла о предметах, хорошо знакомых большинству людей, а не только ограниченному кругу специалистов. Отдельные *критерии исключения* рассматриваются в тексте: 1) среди изобретений присутствуют лишь инновации, подпадающие под определение Шумпетера; следовательно, в списке отсутствуют разработки, созданные по заказу военно-промышленного комплекса и им профинансированные; 2) мы не стали включать новые продукты и услуги, разработанные в сфере медицины (лекарства, диагностическое оборудование и т. д.), по той простой причине, что нам сложно было бы отобрать самые важные из сотен и тысяч новаторских препаратов и медицинских инструментов (возможно, на дальнейшей стадии исследования можно включить и такой раздел).

ИСТОЧНИКИ. Для ряда позиций источником послужили работы Черуцци (Ceruzzi, 2000) и Харрисона (Harrison, 2003, 2004). Автор располагает информацией по любому из пунктов таблицы и готов предоставить ее интересующимся.

Раз уж мы пытаемся понять роль социалистических стран в создании революционно новых продуктов, нам придется вернуться во времени к моменту рождения первого социалистического государства, то есть к 1917 году.

С указанного времени было внедрено немало новшеств. Можно спорить, почему именно эти 89 изобретений фигурируют в таблице, можно было добавить еще 20 или 50 не менее важных пунктов. Выбор произволен, однако список демонстрирует, что все перечисленные инновации, в большей или меньшей степени, изменили повседневную жизнь, работу, способы потребления, проведения досуга и отношения между людьми⁸. Революционные изменения коснулись всех сфер человеческого существования. Изменилась обстановка в офисах и на заводах, мы пользуемся новыми видами транспорта, иначе совершаем покупки, поддерживаем порядок в доме, получаем образование, лечим больных, путешествуем, наши дом и работа связаны между собой теперь совсем по-другому – и можно еще долго говорить о том, как инновации перевернули и реорганизовали нашу жизнь. Непрерывный поток инноваций делает современный мир мобильным. Сравнивая современность с предыдущими эпохами, мы считаем наше время более динамичным, благодаря большому количеству изобретений, вызывающих значительно более глубокие изменения.

Из 89 инноваций примерно 25–30 связаны с компьютерами, цифровыми технологиями и обменом информацией. Эта подгруппа привлекает особое внимание общественности и научного мира. Постоянно растет количество работ, посвященных влиянию информации на социум (одно из самых авторитетных исследований в данной области, наверное, принадлежит Мануэлю Кастеллсу (Castells, 1996–1998; см. также: Fuchs, 2008)). Мне же, в рамках данной работы,

⁸ В таблицу не вошли отдельные классы инноваций. Критерии невключения я частично изложил в примечаниях после таблицы, частично – пояснил в последующих разделах.

хотелось пойти не столько *вглубь* этой интереснейшей темы, сколько проанализировать *максимально широкий* спектр инноваций.

Примерно 60 изобретений из списка либо вообще не связаны с революцией в информационно-коммуникационной сфере, либо имеют к ней отдаленное отношение. Я целиком и полностью признаю исключительную важность данной области, однако нововведения происходили и будут происходить и в других областях. Появление холодильника или открытие супермаркета могут изменить стиль жизни в нищей албанской деревне или в глухом сибирском поселке, а до пользования компьютером дело может дойти и позже. Мне бы хотелось обсудить некоторые аспекты технического прогресса в целом, ведь технические изменения могут быть как связаны, так и не связаны с информационно-коммуникационной революцией.

Нововведению, инновации предшествует изобретение. Первый шаг делает изобретатель: *новая идея* может прийти в голову профессиональному научному работнику, университетскому профессору, инженеру компании или изобретателю-любителю. Однако одной только оригинальности и новизны еще не достаточно. Второй шаг – превратить изобретение в инновацию: здесь начинается процесс внедрения, организация производства, распространение нового продукта или формы организации.

Обратим внимание на вторую фазу – практическое осуществление изменения. В табл. 1–1 указаны страны, где базируются компании, внедрившие те или иные нововведения. *Во всех случаях это капиталистические страны.* Несмотря на то что период, рассмотренный в таблице, включает все время существования социалистической системы, *мы не найдем в ней ни одной революционной инновации, которая была бы внедрена в социалистической стране*⁹.

1.2. Следом за первопроходцами – распространение обновлений

Революционные инновации – важная, но не единственная составляющая технического прогресса. У первопроходца есть последователи. Возле новаторов с небольшим опозданием появляются различные организации и начинают понемногу совершенствовать изобретения, вносить мелкие качественные изменения (хотя и не такие уж незначительные) и участвовать в процессе распространения. Впервые инновация возникает в какой-то одной стране, но последователи, развивающие ее, появляются и в других странах.

Во многих областях социалистическая система следовала за нововведениями капиталистических стран, и это принимало разнообразные формы. Порой следование сводилось к точному или кустарному копированию оригинала. Раскрыть секрет инновации куда сложнее. Изобретение «заново» какого-нибудь прибора, защищенного патентом или коммерческой тайной, превратилось в целое искусство. Еще один вариант – промышленный шпионаж, кража интеллектуальной собственности¹⁰. Но, несмотря на разнообразные попытки, социалистическая экономика продолжала вяло тащиться в хвосте экономики капиталистической.

Позволю себе обратить внимание читателя на две детали. Во-первых, в социалистических странах отставание последователей от первопроходцев было значительно заметнее, нежели в странах капитализма (ср., например, данные в табл. 1–2 и 1–3). При рассмотрении более длительных периодов наблюдается рост, а не сокращение периода отставания. Во-вто-

⁹ В табл. 1–1 отсутствуют нововведения, инициированные военно-промышленным комплексом (ВПК). В данном секторе мы можем обнаружить ряд инноваций, впервые разработанных в социалистических странах. К этому вопросу я еще вернусь далее.

¹⁰ Для предупреждения краж западной интеллектуальной собственности в области высоких технологий создавалась масса препятствий. Так, например, был строго запрещен экспорт в коммунистические страны товаров из списка Координационного комитета по контролю за экспортом стратегических товаров (COCOM). Несмотря на строжайшие запреты, искусным шпионам и техническим специалистам, эти препятствия удавалось обходить.

рых, распространение новых продуктов и технологий в капиталистических экономиках происходило гораздо быстрее, чем в социалистических (см., к примеру, табл. 1–4 и рис. 1–1).

Таблицы и график приведены здесь исключительно для иллюстрации. Многочисленные эмпирические данные в литературе по сравнительной экономике подтверждают отставание социалистической системы в следовании за пионерами инноваций¹¹.

ТАБЛИЦА 1–2.

Отставание во времени от лидеров инноваций: пластики

Продукт	Первое внедрение	Первый последователь	Второй последователь	СССР. Год внедрения/лет с момента первого внедрения
Целлофан	Франция, 1917	США, 1924	Германия, 1925	1936/19
Полистирол	Германия, 1930	США, 1933	Италия, 1943	1955–1959/25–29
ПВХ	Германия, 1931	США, 1933	Япония, 1939	1940/9
Полиэтилен	Германия, 1941	Германия, 1950	Япония, 1951	1947/6*
Эпоксидные смолы	Швейцария, 1936	США, 1947	Германия, 1953; Великобритания, 1955	1957–1959/21–23
Полипропилен	США, 1957; Германия, 1957; Италия, 1957	Великобритания, 1959	Франция, 1960	1970/13

*В данном случае Советский Союз последовал за страной-новатором быстрее, чем страны с капиталистической экономикой.

ИСТОЧНИК: Amann, Cooper, Davies, 1977.

ТАБЛИЦА 1–3.

Отставание при следовании за лидерами инноваций: станки с ЧПУ

Этапы инновации	СССР в сравнении с др. странами (+ опережение; – отставание)				
	СССР	США	Великобритания	Япония	ФРГ
Начало исследований	1949	-2	-1	+4	+6
Первый прототип	1958	-6	-2	-	-
Начало промышленного выпуска*	1965	-8	-2	+1	-1
Первый многоцелевой станок	1971	-12	(-10)**	-5	-10
Первая система управления третьего поколения	1973	-7	(-5)	(-5)	(-5)
Внедрение компьютерного управления	1973	-6	(-4)	-5	(-4)

*Как минимум 50 штук в год.

**В скобках – оценочные предположения.

ТАБЛИЦА 1–4.

Внедрение современных технологий: сталелитейная промышленность, непрерывная разливка в отношении к общему объему производства, %

¹¹ Важнейшие эмпирические исследования в данной области: Amann, Cooper, Davis, 1977; Amann, Cooper, 1982. См. также: Berliner, 1976; Hanson, 1981; Hanson, Pavitt, 1987.

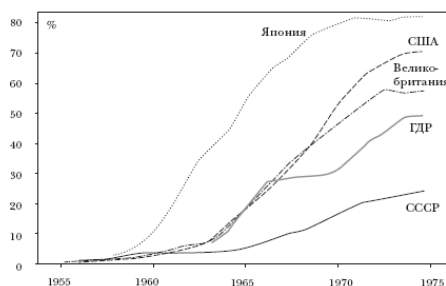
	1970	1980	1987
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ			
Болгария	0	0	10
Чехословакия	0	2	8
Польша	0	4	11
Венгрия	0	36	56
ГДР	0	14	38
Румыния	0	18	32*
СССР	4	11	16
КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ			
США	4	20	58
Великобритания	2	27	65
Франция	1	41	93
Япония	6	59	93
ФРГ	8	46	88
Италия	4	50	90
Испания	12	49	67

*На 1986 год.

ИСТОЧНИК: Финансы и статистика. 1988.

1.3. Инновационное предпринимательство при капитализме

Таким образом, при капитализме возникали радикальные технические новинки, а технический прогресс шел намного быстрее – неопровержимым доказательством чему служит исторический опыт. И все же мне бы хотелось объяснить причины столь важного системного различия.

Источник: Amann, Cooper, Davies, 1977.

РИСУНОК I– 1.

Внедрение современной технологии: сталелитейная промышленность, кислородно-конвертерный процесс (кислородно-конвертерное производство стали в отношении к общему объему сталелитейного производства, %)

В условиях капитализма особая роль отводится предпринимателю¹². Я использую данный термин в трактовке Йозефа Шумпетера (Schumpeter, 1980 [1912]), но, помимо терминологии, на мои изыскания наложили отпечаток и теории Шумпетера об экономическом развитии и природе капитализма¹³ (см. также работу Баумоля, одно название которой: «Инновационный механизм свободного рынка – анализ чуда капиталистического роста» (Baumol, 2002) – аккумулирует суть моих рассуждений).

Предпринимательство – это некая функция, роль, которую может выполнять личность, сама по себе, или же объединившись с одним или несколькими партнерами, или при поддержке

¹² Новаторами являются отнюдь не все предприниматели (Baumol, Schilling, 2008). В рамках данного исследования главным образом рассматривается класс предпринимателей, занятых в процессе создания и внедрения инноваций.

¹³ О вкладе Шумпетера в общественные науки см.: Heertje, 2006; McCraw, 2007.

небольшого предприятия. Однако предпринимательскую функцию может выполнить и крупная компания. Важно то, что предприниматель связывает воедино материальные и личные условия, необходимые для внедрения инноваций, иначе говоря, объединяет кадровые и финансовые ресурсы с производственными мощностями: находит место применения и управляет внедрением нововведения. Порой проходит немало времени, прежде чем многообещающее изобретение попадает в руки настоящего предпринимателя (множество примеров подобного «запаздывания» описывает в своей книге Роджерс (Rogers, 1995; см. также: Freeman, 1982)). Нередко изобретение или открытие и предприниматель-новатор так и не находят друг друга. К счастью, чаще бывает наоборот.

Из табл. 1–1 видно, насколько разнообразными могут быть инновации: речь идет не только о новых продуктах или способах производства, но и о новых формах организации. В большинстве случаев шумпетеровский предприниматель руководит процессом внедрения радикальной инновации *на первом этапе*. При капитализме дальнейшим *продвижением и распространением* новаторского опыта также занимаются предприниматели.

Цепь событий раскручивается от инициативы. Так, в 1996 году стэнфордский аспирант Ларри Пейдж ищет тему для диссертации; обращает внимание на определенные особенности поиска и отбора информации в сети Интернет; объединяется с другим студентом, Сергеем Брином; вместе они разрабатывают поисковую систему; на сайте Стэнфордского университета эта система получает название google.stanford.net. Герои этой истории одновременно играют две разграниченные роли: оба являются изобретателями и они же – новаторы, те, кто внедряет изобретение. Пропустим все промежуточные стадии и переместимся в наши дни: на данный момент компания Google – одна из крупнейших и богатейших в мире¹⁴. Сеть компании задействовано 450 тысяч серверов по всему миру. Не хотелось бы показаться голословным, но влияние корпорации Google можно считать по-настоящему революционным¹⁵. К истории компании я еще вернусь, чтобы проиллюстрировать основные характеристики инновационного процесса при капитализме.

Далее я суммирую характерные черты капиталистической экономики, которые не только делают возможным инновационный процесс, но и иницируют его, постоянно развивают и двигают вперед.

А. Децентрализованная инициатива. Ларри Пейдж и Сергей Брин не получали *указаний сверху* решить определенную инновационную задачу. Им не требовалось *разрешение* на ведение разработок в определенном направлении. Отдельно взятые люди и руководители предприятий малого бизнеса, иначе говоря – единицы, работающие внутри всей системы, сами определяют, что хотят делать.

Б. Огромное вознаграждение. На сегодняшний день Пейдж и Брин – одни из богатейших людей планеты¹⁶. В задачи данного исследования не входит анализ этической дилеммы распределения доходов. Каким должно быть «пропорциональное» вознаграждение за достижения? Очевидно одно: результатом самых успешных инноваций (не всегда, но с большой долей вероятности) бывает огромное вознаграждение¹⁷. Распределяется оно неравномерно. На одном

¹⁴ С краткой историей компании можно ознакомиться на сайте Google (Google, 2009) и в статье Википедии (Wikipedia, 2009a).

¹⁵ Исходя из личного опыта должен признать, что и мои собственные исследовательские привычки изменились. В этом плане эпоха Google сильно отличается от эпохи Гутенберга.

¹⁶ Согласно данным журнала Forbes они занимают пятое место в США.

¹⁷ История Google может рассматриваться, скорее, как исключение, поскольку изобретением и внедрением инновации занимались одни и те же люди. В ситуации, когда эти функции разнесены (что бывает чаще), изобретатель либо получает часть гигантской прибыли, либо не извлекает никакой материальной выгоды из своего открытия. Так произошло в случае с компьютерной «мышью». Разработавший ее Дуглас Энгельбарт не получил никакого вознаграждения за свое гениальное

конец шкалы распределения – владельцы колоссальных состояний, люди вроде Билла Гейтса или новые поколения старых кланов типа Фордов или Дюпонов. Предприниматель, находящийся на острие технического прогресса, может заполучить гигантскую монополистическую ренту. Быть первым выгодно, ведь первенство позволяет занять позицию монополиста, хотя бы и на время. Огромное материальное вознаграждение, как правило, поднимает престиж личности, приносит славу и репутацию.

В. Конкуренция неразрывно связана с предыдущим пунктом. За рынок, за привлечение покупателей идет жесткая, а зачастую и жестокая борьба. Более успешная и быстрее внедренная инновация не обязательно становится единственным инструментом для победы в этой гонке, однако служит серьезным преимуществом¹⁸.

Г. Масштабные эксперименты. Сотни, тысячи, а то и десятки тысяч предпринимателей хотели найти подходящие инструменты для интернет-поиска. Мало кому удалось совершить прорыв, сравнимый с созданием системы Google. Тем не менее многие сумели реализовать инновации с разной степенью успешности – от значительной до средней и совсем небольшой. Немало было и тех, кто попытался, но потерпел неудачу. Если отвлечься от конкретного примера, никто еще пока не оценил объем попыток внедрения инноваций во всех сферах капиталистической экономики и то, в какой пропорции распределяются успешные и провальные попытки. Опираясь на собственные впечатления, можно лишь интуитивно предположить, что эксперименты подобного рода не поддаются исчислению, и поразительный успех (и по степени влияния, и по объему вознаграждения), достигнутый такими гигантами, как Google, Microsoft, Tetra Pak, Nokia или Nintendo – исключительная редкость. Мотивацией к запуску инноваций для огромного числа способнейших людей служит именно обещание феноменального успеха, пусть и с незначительной долей вероятности; куда больше вероятность достичь меньшего, но вполне ощутимого успеха, поэтому имеет смысл пойти на риск (подробнее о важности экспериментирования см.: Thomke, 2003).

Д. Наличие резервного (свободного) капитала: гибкость финансирования. Создатели Google получили доступ к финансовым ресурсам, которые позволили им вести инновационную деятельность и начать распространять свое нововведение. Коллега по университету и, одновременно, успешный предприниматель Энди Бехтольшайм выписал новаторам чек на \$ 100 тысяч из собственного кармана на довольно ранней стадии внедрения.

Инновационное предприятие сравнительно редко реализуется исключительно за счет собственных ресурсов новатора. Такое, конечно, случается, хотя чаще речь идет о привлечении средств извне¹⁹. Доступ к ресурсам можно получить разными способами: взять кредит в банке, привлечь инвесторов, желающих принять участие в бизнесе. Существуют венчурные фонды, специализирующиеся на проектах с высокой степенью риска и высокой долей прибыли, в случае успеха (Bygrave, Timmons, 1992). В принципе для запуска и реализации инновационного проекта, а также для его быстрого распространения (что требует масштабных экспериментов, часть которых обречена на провал) необходим свободный капитал, ориентированный на непредвиденные расходы.

изобретение. Компания Apple наладила массовое производство устройства и получила от нововведения невероятную прибыль.

¹⁸ Более подробно на этой связи я останавлиюсь во второй части исследования.

¹⁹ Существует несомненная связь между экономическим подъемом великих инновационных эпох и ростом доступных кредитов. Легкодоступные деньги способствуют техническому прогрессу, но таят опасность образования пузырей. Анализируя события, предшествовавшие нынешнему кризису, полезно перечитать Шумпетера (Schumpeter, 1939; в особенности главу IV). Рамки книги ограничивают соблазн рассуждений о данном аспекте.

Не стану утверждать, будто предпринимательство по шумпетеровскому типу – единственный способ сгенерировать инновационный процесс в капиталистической системе. Существует множество альтернативных схем. Остановимся лишь на трех.

1. Во многих случаях важные нововведения возникают по инициативе военных, ими же финансируются и осуществляются. Так, например, в 1960-е годы у Пентагона возникла необходимость в создании абсолютно децентрализованной почтовой службы при условии, что отсутствие центра почтовой системы не приведет к нарушению традиционной (письменной) связи. Военный заказ и щедрое финансирование исследований в этом направлении привели к появлению революционного нововведения – электронной почты – совершенно децентрализованного способа коммуникации, управляемого «невидимой рукой». Хотя на более поздней стадии бесплатная, некоммерческая система электронной почты переплелась с более коммерческой, ориентированной на прибыль деятельностью, электронная почта остается классическим примером не-шумпетеровской инновации.

При социализме, в централизованной, бюрократически управляемой гражданской экономике с конкуренцией было покончено, однако СССР и его союзники вели отчаянную гонку вооружений с Западом, главным образом с США. Конкуренция не на жизнь, а на смерть оказала действенное влияние на инновации и способствовала появлению грандиозных нововведений. В СССР был создан первый космический спутник. Заметное отставание в гражданском секторе компенсировалось главной правительственной целью – не отстать от темпов развития вооруженных сил Запада, а то и перегнать их. Однако когда дело доходило до гражданского использования военных инноваций, вновь давала о себе знать слабость социалистической системы. В США за запуском первых военных спутников последовала их эксплуатация в мирных целях, что привело к быстрому росту качества и эффективности услуг в сфере телекоммуникаций. В странах социалистического блока использовать спутники в гражданской жизни начали с большим опозданием. Этот пример демонстрирует, что в крайне централизованной бюрократической системе направленные усилия могут приводить к поразительным результатам, но они лишены сопутствующего эффекта, характерного для децентрализованного предпринимательского капитализма.

2. Иногда важные исследования, а затем и распространение изобретений инициирует и финансирует гражданский, невоенный государственный сектор, к примеру ведомства, отвечающие за здравоохранение. Разумная государственная политика с ориентацией на конкуренцию может поддерживать адресные инновации в сфере защиты окружающей среды.

3. В ряде случаев запуск и реализация важных инноваций происходят по инициативе специально созданной для этого группы исследователей или неправительственной, некоммерческой организации или ассоциации. Так, к примеру, возникло одно из самых важных, поистине революционных нововведений – всемирная компьютерная сеть Интернет (см. воспоминания пионера этих исследований Тима Бернерса-Ли; Berners-Lee, 1999). Сходным образом, то есть путем создания не-шумпетеровских, некоммерческих гражданских объединений, зародились многие другие важные инновации в сфере компьютеров, информации и коммуникаций (SMS – система передачи коротких сообщений, операционная система Linux).

Говоря о роли процессов, протекающих не по шумпетеровскому сценарию, следует признать: большинство радикальных инноваций осуществляется в рамках схемы Шумпетера. Это особенно справедливо в отношении нововведений в бытовой сфере, ориентированных на рынок потребительских товаров и услуг. Но даже изначально не-шумпетеровские проекты, как

правило, влекут за собой попытки извлечь прибыль из их применения, а их распространением занимаются рыночно мыслящие новаторы.

1.4. Невозможность инновационного предпринимательства при социализме

Переходя к социализму, остановимся на этапе, предшествующем инновации, а именно – на самом *изобретении*. В соцстранах тоже жили творческие умы, работали выдающиеся ученые, инженеры, рационализаторы, которые совершали важные, революционные открытия, применимые и на производстве. Первый пример – советский физик Абрам Иоффе. В истории науки он считается одним из основателей физики полупроводников, играющих сегодня фундаментальную роль в электронной промышленности. Свое открытие Иоффе сделал еще в 1930-е годы, но экономическая среда попросту не предусматривала его промышленного внедрения. Годы спустя лидерами по производству полупроводников стали США, Япония, Тайвань и Южная Корея; Советский Союз лишь едва поспевал за не слишком активными последователями²⁰.

В период с 1971 по 1973 годы польский инженер и ученый Яцек Карпинский разработал первую миниатюрную электронно-вычислительную машину. Карпинского относят к пионерам вычислительной техники. Однако пока ученый жил в Польше, его изобретение не получило массового распространения как инновация. Позднее Карпинский эмигрировал, и в капиталистическом мире изобретенное им устройство, в конкуренции с аналогичными открытиями, получило массовое распространение.

Самый известный венгерский пример – история кубика Рубика. Я внес эту интеллектуальную игрушку в список революционных нововведений и уверен, что сделал это по праву. Математик Эрнё Рубик, увидев, с каким энтузиазмом люди реагируют на его гениальное изобретение, попытался распространить его по всему миру, но достиг лишь относительно скромных результатов. Настоящий большой успех пришел лишь когда по-настоящему деловая известная американская компания по производству игрушек приобрела патент и запустила маркетинговую кампанию «волшебного кубика» в мировом масштабе.

Даже в самой Венгрии мало кто знает, что дискета, или гибкий диск, – простейший портативный носитель информации для персональных компьютеров, которым пользовались миллионы, – изобретение венгерского инженера Марцелла Яноши. В 1974 году изобретатель напрасно предлагал венгерским производителям и экспортерам качественно работающий прототип; руководители социалистической промышленности не увидели, какие коммерческие возможности таит в себе эта разработка, – побоялись начать ее массовое производство и распространить по всему миру и даже не поддержали продление патента. Самому изобретателю заняться маркетингом собственного интеллектуального продукта не разрешили. В итоге японская промышленность «заново изобрела» гибкий диск и там же, в Японии, он был запущен в массовое производство²¹.

Перейдем к следующей фазе – инновации. Даже при социализме склонность к предпринимательству у многих людей сохранялась, пусть и в «дремлющем» состоянии. Возможно, отдельные руководители могли реализовать свои таланты, но при условии, что попадали на соответствующие должности благодаря способностям, а не партийным связям. Тем не менее

²⁰ Поначалу Абрама Иоффе осыпали высшими правительственными наградами и академическими почестями, но в последние годы сталинского террора его лишили высоких постов как «сиониста». Однако вне зависимости от положения открытия академика так и не стали полноценными инновациями.

²¹ Венгерский изобретатель дискеты до сих пор живет на скромную пенсию (см. историю создания гибкого диска: Kovács, 1999; Drávucz, 2004).

врожденные характеристики системы не оставляли возможностей для развития шумпетеровского предпринимательства²².

Рассмотрим поочередно условия, проанализированные применительно к капитализму, и сравним с ситуацией в социалистической системе.

А. Централизованные бюрократические команды и распоряжения. План технического развития – один из разделов единого государственного плана. Плановики в «центре» решают, какие ключевые изменения следует внести в состав и качество продукции, а также в технологию ее производства. Затем начинается распределение центрального плана по отраслям, подотраслям, в конечном итоге – по предприятиям. Командно-административный метод в экономике, помимо всего прочего, подразумевает, что предприятия получают подробные указания относительно того, когда следует заменить старую продукцию на новую, когда заменить старые станки и технологии на новые. До окончательного принятия плана руководители предприятий могут вносить свои предложения, тем самым иницируя выпуск новой продукции или применение новой технологии, иными словами, могут поучаствовать в процессе распространения инновации. Однако для внедрения любой значительной инициативы нужно просить разрешение. К примеру, если речь шла о масштабных действиях, начальники «на местах» не могли принимать решений самостоятельно и вынуждены были обращаться за одобрением к вышестоящим чиновникам. Чем масштабней инициатива, тем выше уровень принятия окончательного решения и длительней бюрократический процесс, предшествующий внедрению в производство (подробный теоретический анализ связи между централизацией и инновациями содержится в работе китайских экономистов И. Цяня и Ч.Сюя: Qian and Xu, 1998).

При капитализме все наоборот: если первая компания, куда обращается изобретатель, не захочет заняться внедрением многообещающего устройства или продукта, следующая фирма может и согласиться. Это возможно благодаря децентрализованной частной собственности и рыночным условиям. В централизованной социалистической экономике новаторская идея должна пройти официальный путь, и в случае отрицательного решения апеллировать не к кому

Б. Вознаграждение равно нулю или очень невелико. Если высшие власти признают техническое нововведение, внедренное на предприятии, успешным, то начальник и, возможно, его непосредственные подчиненные получают премию, размер которой в лучшем случае равен заработку за один-два месяца.

В. Отсутствует конкуренция между производителями и продавцами²³. Концентрация производства очень высока. Многие предприятия обладают монополией или как минимум региональной (географической) монополией на производство целой группы продуктов. Хронический дефицит товаров провоцирует монополистическое поведение даже там, где параллельно работают несколько производителей. Экономика дефицита, одна из самых характерных черт социалистической системы, парализует мощный двигатель обновления – стремление бороться за удовлетворение требований покупателя (Kornai, 1971, 1980, 1993a, главы 11–12). У производителя нет нужды заманивать покупателя и предлагать ему более совершенный и новый товар, ведь потребитель рад, если ему вообще удалось что-то купить в магазине, независимо от качества и обновления товара.

Существуют примеры инновационной деятельности, вызванной хроническим дефицитом, – оригинальные замены для недостающих материалов или запчастей (Laki, 1984, 1985).

²² Эмпирический анализ см.: Amann, Cooper, Davis, 1977; Amann, Cooper, 1982; Berliner, 1976; Hanson, 1981; Hanson, Pavitt, 1987. Теоретическое обоснование: Berliner, 1976; Gomulka, 1983, Kornai, 1980, 1993.

²³ Как уже отмечалось, исключением в плане инноваций была военная промышленность, ведь в этой сфере Советский Союз жестко конкурировал с Западом.

Увы, эти плоды творческой мысли не получили широкого распространения и не стали коммерчески успешными инновациями в шумпетеровском смысле²⁴.

Г. Жесткие границы для экспериментирования. Капитализм допускает сотни, тысячи бесплодных или малорезультативных попыток с тем, чтобы один из этих сотен и тысяч опытов оказался удачным и принес грандиозный успех. Плановая социалистическая экономика стремится свести риски к минимуму. Тем самым она исключает внедрение инноваций радикального характера, ведь они всегда означают прыжок в пустоту, и предсказать успех невозможно.

Что касается последователей, одни страны подхватывают идеи быстро, другие – медленно. Социалистические страны принадлежат к той группе, для которой характерен самый медленный темп. Они предпочитают придерживаться старых, знакомых методов и производить привычные товары, ведь новые технологии и новая продукция обладают слишком большим количеством непонятных характеристик, что может усложнить планирование и разработку директив.

Д. Отсутствие свободного капитала и жесткие рамки выделения инвестиций. Централизованное планирование не жалеет ресурсов, предназначенных для накопления капитала. Доля, выделяемая на инвестиции из общего объема продукции, как правило, выше, чем в капиталистических странах. Тем не менее этот невероятный запас расходуется раньше времени и до последней копейки. Еще хуже то, что обычно случается перерасход; иными словами, в совокупности все проектные планы предусматривают расходование большего объема ресурсов, нежели требуется для выполнения этих планов. И речи не может быть о том, чтобы свободный капитал «подждал», пока не появится кто-нибудь с интересной идеей или инновацией для дальнейшего внедрения. Рынка свободного капитала просто не существует. Вместо этого имеет место неповоротливое и заторможенное бюрократическое регулирование. Невозможно представить, что кто-то выделит капитальные ресурсы на дело, исход которого заранее непредсказуем. Нет такого безумного министра промышленности или директора завода, который бы сказал: «Дайте нам денег на рискованные инвестиции, но предупреждаю: деньги могут пропасть и ничего с этим нововведением не получится»²⁵.

Здесь имеет смысл еще раз взглянуть на пункты А – Д применительно к описанию механизма инноваций, ведь все это – продукт основных характеристик капиталистической и социалистической систем. Описанные явления – прямое следствие наличия частной собственности и рыночной координации в одной системе и общественной собственности и бюрократической координации – в другой.

Не стану утверждать, будто темпы технического прогресса в стране зависят исключительно от того, какая в ней действует система – капиталистическая или социалистическая. Важную роль играет масса других факторов: уровень развития экономики, уровень образования (включая подготовку научных кадров), уровень и устройство исследовательской и проектно-конструкторской деятельности на производстве, а также ее финансирование, ассигнование средств на науку со стороны военно-промышленного комплекса и т. д. Свою роль, безусловно, играет и удача. Так, например, компания Nokia возникла и достигла невероятного успеха в сфере мобильной телефонии именно в Финляндии, а не в Дании или Норвегии. Немало работ посвящено проблемам распространения инноваций, их лидерам и последовате-

²⁴ От хронического дефицита может страдать не только социалистическая система. В периоды войн длительный дефицит может возникнуть и в капиталистической экономике. В ходе Второй мировой войны нехватка сырья также спровоцировала инновационную деятельность в области создания эрзац-материалов (взамен привычного сырья).

²⁵ Анализ гибкости финансирования, связи централизации и инноваций см.: Huang and Xu, 1998.

лям (см.: Davila, Epstein, Shelton, 2006; Freeman, 1982; Rogers, 1995)²⁶. Признавая важность прочих факторов, я продолжаю настаивать на системной обусловленности²⁷.

1.5. Политические факторы и технический прогресс

Решающий фактор, объясняющий природу инновационного процесса, – влияние системно обусловленных особенностей экономики; их, в свою очередь, определяет политическая структура системы. При этом политическая структура и технический прогресс связаны между собой и напрямую. Остановлюсь на нескольких точках соприкосновения.

Коммунистическая диктатура агрессивно проталкивала инновации в информационно-коммуникационной сфере, если они обеспечивали эффективные технологии в сфере политической пропаганды и, в более общем смысле, распространение официальной идеологии. Ленин одним из первых политических лидеров понял, какую важную роль в пропаганде может сыграть кино. СССР также был среди тех стран, где быстрее всего внедрили телевизионное вещание, ведь на первых порах телевидение было крайне централизованным средством передачи информации, сосредоточенным в одной или нескольких студиях, объектом жесткого партийного контроля. Программы радиостанций также можно было легко контролировать и вести трансляцию через громкоговорители даже в самые удаленные деревни.

Коммунистический режим поддерживал радио и телевидение до тех пор, пока можно было обеспечить жесткий централизованный контроль. К счастью, по мере развития интегральных технологий, абсолютная централизация и цензура стали технически невозможны. Верной социалистического региона. На момент возникновения ГДР располагала отличной научно-исследовательской инфраструктурой и щедро выделяла средства на развитие высшего образования, академические исследования и промышленные разработки. Однако ни одной революционной инновации в стране так и не появилось. Несмотря на наличие первоклассных специалистов, темпы следования за радикальными нововведениями в большинстве секторов экономики были медленнее, чем в западной Германии (Bauer, 1999; Stokes, 2000).

Окончательная сумятица в странах социалистического блока началась тогда, когда множительные аппараты, электронная почта и Интернет стали доступны даже на их территории. Горбачев призвал к «гласности», и через открытые двери компьютерных сетей, по волнам радио и телевидения поток информации хлынул из-за границы, а потом – в еще большем объеме – от пробудившихся граждан в самих странах. Этот поток оказался губительным для старых догм, застывших убеждений, заведомо ложной партийной пропаганды, освободив многие умы (Shane, 1994; Kedzie, 1997a, b; Stolyarov, 2008). Позволю себе вернуться к вопросу об отношениях между политической структурой и техническим прогрессом несколько позже.

1.6. Первые итоги: системы и технический прогресс

Предположим на мгновение, будто мечта Маркса, Ленина и Троцкого воплотилась в реальность и мировая революция победила во всем мире, не оставив и островка капитализма.

²⁶ В литературе для руководителей предприятий и людей бизнеса, интересующихся практическими вопросами инноваций, возможно чаще всего цитируют работу Роджера (Rogers, 1995). В этой замечательной и подробной во всех отношениях книге имя Шумпетера даже не упоминается, не говоря уже о прочих *экономических* теориях инноваций.

²⁷ Опыт разделенной Германии особенно поучителен. Восточная Германия, наряду с Чехословакией, была самой развитой стралинская стена действительно мешала людям пересекать границу между двумя мирами, но никакая стена не могла воспрепятствовать движению теле- и радиоволн сквозь железный занавес из западной Германии в восточную, из Мюнхена – по всей Восточной Европе, а «глушилок» не хватало на то, чтобы остановить дестабилизирующее воздействие западных каналов и телестанций. Одним из многочисленных факторов, приведших к краху социалистической системы, определенно стала техническая невозможность «герметически закрыть» эфирное пространство СССР и других соцстран и изолировать их от проникавших из остального мира радиоголосов.

При таком раскладе у нас никогда не появились бы компьютер и транзисторный радиоприемник, холодильник и супермаркет, Интернет и эскалатор, CD и DVD, цифровая фотография, мобильный телефон и все прочие революционные нововведения. Наша жизнь (по крайней мере, в плане использования различных устройств и оборудования) оставалась бы на уровне стандартов, заимствованных у последних сохранившихся оплотов капитализма.

Здесь мы подходим к фундаментальным вопросам понимания и толкования долгосрочных тенденций развития в человеческой истории. Технологии (инструменты, устройства, оборудование и т. д.), задействованные во *всех* сферах (не только в производстве товаров, но и в остальных областях личной и общественной деятельности), развиваются в рамках сложного общественного процесса. Этот сложный процесс мы условно называем техническим прогрессом. Скорость и прочие характеристики технического прогресса определяются рядом факторов. В основе данного исследования (и других моих работ) лежит следующая философия: один из мощнейших объяснительных факторов – это *система*. Существует сильная связь между типом системы (капитализм или социализм) как причиной и скоростью технического прогресса и его остальными характеристиками как следствием.

Я использую понятие «технический прогресс», принятое экономической наукой в целом. Следует помнить, что второе слово – «прогресс» имеет положительный, даже хвалебный оттенок, поскольку отражает субъективное суждение: лучше жить в мире, где есть посудомоечные машины, мобильные телефоны и CD, чем в мире, лишенном этих продуктов. Но лучше ли? Никто, даже самые горячие приверженцы современных технологий, не ограничатся простым ответом «да» без оговорок. С момента овладения огнем и изобретения ножа люди использовали все новые инструменты и технологии как во зло, так и во благо. Факт банальный, но по-прежнему важный: последние достижения технического прогресса, а именно – стремительно развивающиеся технологии в сфере компьютеров, электроники, цифровой техники, информации и коммуникаций могут использоваться уголовниками, преступниками, совершающими преступления на сексуальной почве, террористами и представителями экстремистских политических движений. Эти достижения открывают новые возможности для коварной рекламы, способной вводить людей в заблуждение или попросту им мешать. Замена человеческого труда роботами может привести к «дегуманизации» различных действий и контактов. Бесконечное сидение перед экранами компьютеров или телевизоров может отвлекать детей и взрослых от более ценных занятий и развлечений. Технический прогресс всегда будет использоваться не только для мирной, но и для военной деятельности, причем не только для защиты родины, но и в целях агрессии. Но все же большинство людей (я не исключение) называют направление технических изменений «прогрессом», поскольку выгоды от него перевешивают недостатки или опасности (по результатам опроса, который будет приведен ниже, таково мнение большинства).

Опираясь на субъективную оценку, я расцениваю стимулирующее воздействие капитализма на технический прогресс как одно из величайших достоинств системы, а тормозящее влияние социализма – как один из главных недостатков последнего²⁸. Данное наблюдение само по себе может послужить достаточной причиной для радости по поводу краха социалистической системы.

²⁸ Дальнейший анализ связи капиталистической системы и технического прогресса см. в части II.

I-2 Преобразование (трансформация) и ускорение технического прогресса

Войдя в мир капитализма, все постсоциалистические страны открыли двери для предпринимательства, радикальных инноваций, быстрого распространения новых продуктов и технологий. Изменение базовых характеристик экономики в этой части мира создало условия для ускорения технического прогресса.

Формулируя вышесказанное, я старался быть осторожным. Склонность к предпринимательству, к инновациям и динамизму – неотъемлемая составляющая капитализма. Но это лишь тенденция, предрасположенность – и не более. Это не физический закон, который *обязан* выполняться. Ранее, когда речь шла об инновациях при капитализме, подчеркивалось, что наряду с решающим воздействием системно обусловленных факторов свою роль играют и другие значимые обстоятельства. Разнообразие остальных факторов, не связанных с системой, объясняет несовпадение темпов инновационного процесса в разных переходных экономиках. Частное предпринимательство, инновации и динамизм реализуются посредством действий людей в социальной, политической и правовой среде, которая и влияет на то, с какой скоростью и до какой степени внедряется та или иная тенденция. Это зависит от конъюнктуры, делового климата и, в значительной степени, от смелости, энтузиазма и компетентности конкретных людей, могущих стать предпринимателями.

2.1. Предприниматели-новаторы

Начнем с нововведений, ориентированных на производство радикально новых продуктов. Первый пример – программное обеспечение Skype, отмеченное в табл. 1–1 среди крупных инноваций. Придумали идею швед Никлас Зеннстрем и датчанин Янус Фриис, однако программное обеспечение было разработано в Эстонии, там же продолжает функционировать группа по развитию. Компания, начавшая распространение изобретения по всему миру, была основана и зарегистрирована в Эстонии. Поэтому согласно критериям, которые мы используем в данном исследовании, инновация считается эстонской. Нововведение оказалось настолько успешным, что американская корпорация eBay купила компанию почти за два миллиарда евро и продолжила процесс внедрения инновации.

Второй, менее эффектный, но заслуживающий внимания пример – история венгерского предприятия в сфере высоких технологий Graphisoft. Новатор-изобретатель Габор Бояр, бывший старший научный сотрудник НИИ, создал программу для трехмерного пространственного дизайна, предназначенную в основном для архитекторов (Bojar, 2007). Не уникальные в своем роде, но элегантные и эффективные решения позволили этому программному обеспечению добиться коммерческого успеха в нескольких странах. Graphisoft вывела продукт на мировой рынок. Компания Бояра – классический пример шумпетеровского предпринимательства. Какая огромная разница между двумя венгерскими историями: изобретатель гибкого диска Яноши не добился успеха в период до 1989 года и прозябает в бедности и безвестности, а создатель Graphisoft Бояр обрел славу, признание и состояние.

Третья история – о *восстановлении данных с поврежденных жестких дисков* — началась в кадаровской Венгрии, в период половинчатых рыночных реформ. Тогда уже использовались компьютеры, но для венгерских условий они еще были очень дороги. При поломке компьютера самую ценную его часть – жесткий диск – надо было сохранить; при этом имело смысл восстановление жесткого диска и использование его в другом компьютере, собранном из старых запчастей. Два брата, Янош и Шандор Кюрти достигли в этом настоящего мастерства. Тут-то их и посетила творческая идея: использовать те же самые навыки в случае, если данные,

хранившиеся на жестком диске, были утеряны. Всем известно, как неприятно терять большую часть информации, хранившуюся в компьютере. Братья Кюрти отшлифовали технику, точнее искусство возвращения с поврежденных дисков данных, считавшихся навсегда утерянными. Когда после 1989 года это крайне специфическое умение превратилось в услугу, пользующуюся спросом на рынке, братья Кюрти основали компанию и обучили еще несколько специалистов. Сейчас у них клиенты по всему миру (Kür-ti and Fabiányi, 2008; Laki, 2009). История братьев – еще один пример успешной инновации по Шумпетеру.

Два из трех примеров связаны с Венгрией, один – с Эстонией. Уверен, что подобные истории характерны и для многих других постсоциалистических стран.

2.2. Ускорение распространения инноваций и гонки за лидером

По мере того как в экономике постсоциалистических стран расширялся частный сектор и возникали институты рыночной координации, технический прогресс ускорился во многих смыслах, включая и более быстрое восприятие инноваций из других стран.

В последние десятилетия в странах Запада доступ к телефонной линии считался чем-то само собой разумеющимся. Но для граждан соцстран дело обстояло совершенно иначе – там этой услугой могли пользоваться немногие, только избранные имели доступ к ней, а остальные могли «получить телефон» лишь спустя годы ожидания в очереди. Не хватало линий телефонной связи, поскольку планировщики не считали эту услугу важной и перераспределяли средства по другим секторам. Пока господствовал социализм, казалось, будто изменить соотношение спроса и предложения в сфере телефонии невозможно. Затем произошла смена системы, и ситуация в этом секторе развернулась на 180 градусов.

ТАБЛИЦА 1–5.

Телефонные линии: сравнительные данные (количество линий на 1000 человек)

Страна	1979	1980	1985	1990	1995	2000	2005
Болгария	91	102	167	242	305	353	323
Польша	53	55	67	86	148	283	307
Венгрия	53	58	70	96	210	372	332
Румыния	67	73	88	102	131	174	203
СССР	67	70	103	140	169	218	280
Греция	226	235	314	384	494	536	567
Германия	308	332	416	441	514	610	661
Италия	216	231	305	387	434	474	431

ИСТОЧНИК: Статистический отдел ООН (United Nations Statistics Division, 2009b).

ТАБЛИЦА 1–6.

Распространение современных коммуникационных технологий в странах ЕС: пятнадцать «старых» членов (EU-15) в сравнении с десятью «новыми» членами – бывшими странами социалистического блока (EU-10)

Показатель	Группа	1995	2001	2007
ВВП на душу населения, \$ на 2000 год	EU-15	19 706	23 747	26 781
	EU-10	3 489	4 425	6 295
ВВП на душу населения, паритет покупательской способности (ППС), \$ на 2005 год	EU-15	25 831	31 134	35 058
	EU-10	9 758	12 286	17 570
Персональные компьютеры на 100 человек	EU-15	16	35	37
	EU-10	3	12	33
Пользователи сети Интернет на 100 человек	EU-15	3	32	64
	EU-10	1	14	48
Абоненты широкополосного доступа в Интернет на 100 человек	EU-15	н/д	2	24
	EU-10		0	12
Пользователи мобильных телефонов на 100 человек	EU-15	7	77	116
	EU-10	1	40	118

ПРИМЕЧАНИЕ. Представленные данные являются средним арифметическим для каждой группы. Относительно отсутствия данных в графе «нет данных», см. источник.

ИСТОЧНИК: Всемирный банк (World Bank, 2008).

ТАБЛИЦА 1–7.

Распространение современных коммуникационных технологий в странах ЕС: страны Вишеградской пятёрки (V5) в сравнении с тремя странами Южной Европы (S3)

Показатель	Группа	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007
ВВП на душу населения, \$ на 2000 год	S3	10 406	11 020	11 847	12 642	13 054	13 623	14 289
	V5	3 865	4 194	4 435	4 756	5 108	5 635	6 338
ВВП на душу населения, паритет покупательской способности (ППС), \$ на 2005 год	S3	18 620	19 721	21 200	22 618	23 345	24 357	25 545
	V5	11 550	12 535	13 228	14 176	15 237	16 821	18 956
Персональные компьютеры на 100 человек	S3	5	7	9	14	15	17	28
	V5	4	6	9	12	18	23	39
Пользователи сети Интернет на 100 человек	S3	1	3	10	16	26	33	41
	V5	1	2	6	13	29	39	50
Абоненты широкополосного доступа в Интернет на 100 человек	S3	н/д	н/д	0	1	3	8	14
	V5			0	0	1	5	11
Пользователи мобильных телефонов на 100 человек	S3	3	12	40	74	88	100	115
	V5	1	4	14	46	72	92	113

ПРИМЕЧАНИЕ. Представленные данные являются средним арифметическим для каждой группы. V5, Вишеградская пятёрка: Республика Чехия, Венгрия, Польша, Словакия, Словения; S3, страны Южной Европы: Греция, Испания и Португалия.

ИСТОЧНИК: Всемирный банк (World Bank, 2008)

В табл. 1–5 видно, как за сравнительно короткий промежуток времени устаревшая кабельная телефонная связь стала доступна всем. Ко всему прочему, на рынке появился новый революционный продукт-мобильный телефон, который завоевал рынок телефонии (см. табл. 1–6, 1–7 и 1–8)²⁹. Распространение этих услуг происходило с невероятной скоростью (Cooper, 2009).

ТАБЛИЦА 1–8.

Распространение современных коммуникационных технологий в России и некоторых других странах

²⁹ В ряде стран, например в Венгрии, это привело не просто к прекращению строительства новых кабельных линий, но и к переходу на мобильные телефоны во многих домах.

Показатель	Страна	1995	2001	2007
ВВП на душу населения, \$ на 2000 год	Россия	1 618	1 870	2 858
	Бразилия	3 611	3 696	4 222
	Мексика	4 892	5 864	6 543
ВВП на душу населения, паритет покупательской способности (ППС), \$ на 2005 год	Россия	7 853	9 076	13 873
	Бразилия	7 727	7 910	9 034
	Мексика	9 949	11 927	13 307
Персональные компьютеры на 100 человек	Россия	2	8	н/д
	Бразилия	2	67	
	Мексика	3		
Пользователи сети Интернет на 100 человек	Россия	0	3	21
	Бразилия	0	5	35
	Мексика	0	7	23
Абоненты широкополосного доступа в Интернет на 100 человек	Россия	н/д	0	3
	Бразилия		0	4
	Мексика		0	4
Пользователи мобильных телефонов на 100 человек	Россия	0	5	115
	Бразилия	1	16	63
	Мексика	1	22	63

ИСТОЧНИК: Всемирный банк (World Bank, 2008).

После того как пользование телефоном стало неограниченным с точки зрения предложения на сегодняшний день действует только ограничение спроса.

Явные причинно-следственные отношения между капитализмом и щедрым предложением на рынке услуг телефонии проявляются на нескольких уровнях. Переход к либеральной рыночной экономике, основанный на частной собственности, положил конец экономике дефицита. Предложение на рынке телефонии столь велико, потому что местным или иностранным предпринимателям этот бизнес приносит прибыль. Мобильные телефоны легко заменяют кабельные, следовательно, владельцы кабельных сетей не могут оставаться монополистами. Напротив, между теми, кто оказывает услуги телефонной связи, начинается бешеная конкуренция.

Тридцать лет назад в СССР или странах Восточной Европы потенциальный потребитель умолял чиновника о выделении телефонной линии как о великой милости. Сегодня телефонные компании борются за клиента.

Хорошо помню, какой проблемой для меня было отсутствие дома телефона, и потому благодарен постсоциалистическому переходу и капитализму за то, что теперь телефон есть и у меня дома, и у каждого члена семьи в отдельности. Я рад, что благодаря смене систем шансы технического прогресса возросли. Прекрасно понимаю: слово «благодарность» отсутствует в словаре экономики и политологии. И все же хочу употребить именно это слово, ведь оно ясно отражает не только *рациональное понимание* позитивных причинно-следственных отношений между капитализмом и инновациями в целом и связи между сменой системы и доступом к услугам телефонии в частности, но и те сильные эмоции, которые вызвали во мне изменения, произошедшие после 1989 года. Несмотря на все недостатки и поражения, я искренне праздную годовщину тех событий; и одна из важнейших причин радоваться приходу капитализма в том, что все плоды технического прогресса наконец-то стали доступны и для нас, жителей бывшего соцлагеря.

Таблицы 1–6, 1–7 и 1–8 демонстрируют еще несколько результатов не менее важных диффузных процессов в области технологий, это пользование компьютерами и доступ к сети Интернет. Скорость следования за лидерами в этих сферах выросла на глазах.

Многие предприниматели берут пример с первопроходцев, адаптируют идею к условиям на местах и добиваются серьезных успехов. Один из таких выдающихся шумпетеровских новаторов – китайский бизнесмен Ма Юнь, основатель Alibaba Group. Основной вид деятельности компаний, принадлежащих группе, – мелкооптовая интернет-торговля, поиск партнеров для фирм в основном малого и среднего бизнеса. На сегодняшний день Alibaba Group – крупней-

шая компания подобного рода в Китае и одна из крупнейших в мире. Ее создатель и руководитель Ма Юнь начинал карьеру как преподаватель, а стал миллиардером (см. информацию о компании на ее сайте: www.alibaba.com). История Alibaba заслуженно продолжает список уже упомянутых успешных инноваций, возникших в постсоциалистическую эпоху.

В целом зазор между самыми развитыми государствами и постсоциалистическими странами не исчез, но стал уже, чем в эпоху социализма, когда это расстояние имело тенденцию к увеличению с годами³⁰.

2.3. Созидательное разрушение

Процесс инноваций и динамика появления и исчезновения компаний на рынке взаимосвязаны. Шумпетер назвал это явление *созидательным разрушением*, подробно и точно описав обе стороны ускорения технического прогресса, не отделимые друг от друга. Проще всего превозносить удачливых новичков делового мира, особенно если они приходят с успешными инновациями. Однако быстрого движения вперед не бывает без банкротств, неудач, провалов и уходов с рынка и сопутствующих им неприятных последствий – увольнений и безработицы.

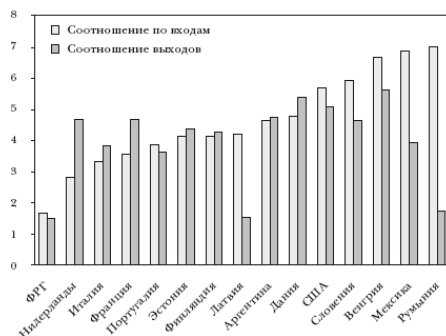
Переходным экономикам в этом отношении не повезло: им пришлось пережить две волны больших разрушений. В одной из своих предыдущих работ я назвал первую волну трансформационной рецессией (Kornai, 1993b). Она стала причиной потрясений во всех постсоциалистических странах; массовые уходы компаний с рынка (после десятилетий сверхзанятости и гарантированных рабочих мест) спровоцировали первый шок от массовой безработицы. Вторая волна сегодняшней рецессии еще не завершилась, однако, глядя в ближайшее будущее с некоторой долей оптимизма, можно предположить, что она приведет к меньшему сокращению объемов производства, нежели спад производства в ходе трансформационной рецессии. Последняя была, возможно, одной из глубочайших рецессий в истории экономики, но мир обратил на нее меньше внимания, нежели на сегодняшний кризис, поскольку жертвами этой рецессии стали только мы, жители бывшего коммунистического региона, а остальные страны не разделили с нами этот болезненный опыт.

Трансформационная рецессия далась ценой немалых страданий, но принесла и определенную пользу. Она вынудила предпринимателей быстро адаптироваться к радикальным изменениям в устройстве внутреннего и внешнего рынка, освободила путь для более динамичного развития, ускорения инноваций и повышения производительности. Исчезли устаревшие производственные линии, грязные цеха с поржавевшим оборудованием и магазины с убогим ассортиментом. Вместо них в современных зданиях, оснащенных новейшими технологиями, расположились совершенно новые производственные мощности, открылись новые супермаркеты и торговые центры.

Хорошо структурированные данные позволяют проследить, как шли процессы выхода на рынок и ухода с него в постсоциалистических странах. Бартельсман, Халтивангер и Скарпетта в своей статье (Bartelsman, Haltiwanger, Scarpetta, 2004) предлагают подробный отчет и анализ, основываясь на данных, отражающих процесс созидательного разрушения, для компаний из 24 стран, включая ряд стран с переходной экономикой: Эстонию, Венгрию, Латвию, Румынию и Словению. В качестве иллюстрации приведу лишь одну диаграмму (рис. 1–2), на которой отражены данные по компаниям с минимальным числом сотрудников 20 человек в 1990-е годы.

³⁰ Согласно индексу развития информационного общества (Information Society Index), по совокупности различных аспектов развития информационного общества, некоторые постсоциалистические страны (Чехия, Венгрия, Словения) занимают достойное место в этом рейтинге (Karvalics, 2009). В целом вся группа движется вперед и с каждым годом поднимается все выше по шкале, хотя этим странам по-прежнему приходится прилагать серьезные усилия, чтобы удержаться на достигнутом уровне.

В первые годы перехода количество компаний, выходящих на рынок, существенно превышало число выходов с рынка, и этот показатель отличался от ситуации в странах с более зрелой рыночной экономикой, где разница между этими двумя потоками намного меньше, а иногда приобретает и отрицательное значение. Многие крупные предприятия (прежде находившиеся в государственной собственности) закрылись, и на рынок вышла масса небольших компаний. Процент смены компаний на рынке (соотношение входов и выходов) в 1990-е годы колебался между 3 и 8 % для большинства промышленных стран, а в некоторых странах с переходной экономикой достигал 10 %.

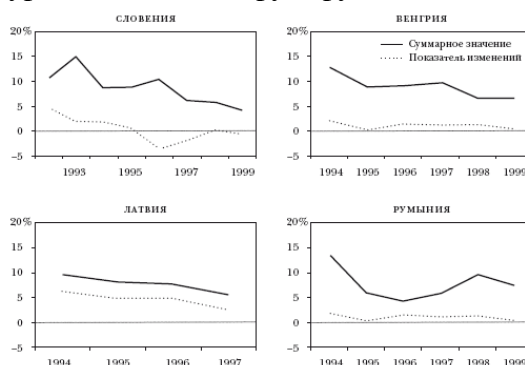
ПРИМЕЧАНИЕ. Соотношение по входам рассчитано как количество новых компаний, разделенное на общее число всех компаний, которые работали на рынке в отдельно взятом году. Соотношение выходов – количество компаний, вышедших с рынка, разделенное на изначальное количество, то есть число компаний на предшествующий год.

ИСТОЧНИК: Bartelsman, Haltiwanger, Scarpetta, 2004.

РИСУНОК 1–2.

Соотношение выхода компаний на рынок и ухода с него в 1990-е годы

Турбулентность, вызванная быстрой сменой и коротким жизненным циклом новых компаний, вскоре сошла на нет. К концу девяностых данные по количеству компаний приблизились к показателям по другим странам. На рис. 1–3 отражены тенденции к установлению более сбалансированного соотношения между выходами на рынок и уходами с него. Пунктирные линии стремятся к нулевой отметке, то есть взвешенные по числу работников показатели рыночного входа и выхода уравновешивают друг друга.

ПРИМЕЧАНИЕ. Расчеты относятся к деловому сектору в целом. Суммарное значение рассчитано как отношение созданных и закрытых компаний к общему числу компаний на рынке. Показатель изменений – новые компании минус компании, ушедшие с рынка в отношении к общему числу компаний.

ИСТОЧНИК: Bartelsman, Haltiwanger, Scarpetta, 2004.

РИСУНОК 1–3.

Суммарное и чистое соотношение между открытием и закрытием компаний в экономических системах переходного характера

Потребовалось несколько лет, чтобы преодолеть худший период деструктивной стороны шумпетеровского процесса. Экономике постсоциалистических стран начали расти с большей эффективностью, да и структура производства стала куда более современной. Но тут экономику ждало новое потрясение извне – влияние глобальной рецессии. Население Восточной Европы переживает сейчас вторую болезненную рецессию. Нетрудно понять, почему сегодня слово «капитализм» не вызывает у жителей постсоциалистических стран положительной реакции.

Сейчас еще слишком рано задавать вопрос, принесет ли нынешняя рецессия, помимо потрясений и страданий, очистительное воздействие в шумпетеровском смысле. Расчистит ли разрушение путь к созиданию в постсоциалистическом регионе? Для ответа потребуется не менее десяти лет. Отдельное обширное исследование необходимо и для того, чтобы проанализировать влияние описанных выше позитивных процессов на экономическую политику. В рамках данной работы я лишь обозначу возможные стратегии и дилеммы, связанные с выбором того или иного варианта.

1. Принятие базовой шумпетеровской теории созидательного разрушения не означает, будто мы автоматически одобряем все до одного проявления разрушения. Если слепые силы рынка ведут к уходу компании с рынка, некоторые организации (центральные или местные власти, финансовый сектор или другие учреждения) могут взять на себя спасение данной компании. Здесь мы оказываемся в центре огромного количества теоретических и практических проблем, рассматриваемых в литературе в контексте мягких бюджетных ограничений и моральных рисков. К этому вопросу я не раз обращался и в своих работах (Kornai, Maskin, Roland, 2004; Kornai, 2010b). На данном этапе добавлю лишь одно замечание: шумпетеровский инновационный процесс сопровождается явным ускорением роста именно в тех секторах и подсекторах, которые считаются самыми многообещающими и «модными» (вспомним массовый приход на рынок так называемых доткомов и их бурный рост). У этого процесса неизбежно возникают две стороны: для нескольких очень успешных предприятий требуется очень много проектов, и в то же время их запускается слишком много. Но затем происходит естественный отбор, и мы не можем бороться за выживание каждого отдельного вида, обреченного на исчезновение. Те, кто определяет экономическую политику, могут предъявлять серьезные аргументы по спасению каких-либо компаний, ссылаясь, к примеру, на необходимость защиты экономики в целом, от серьезных долгосрочных макроэкономических потрясений, которые могут быть вызваны слишком большим количеством закрывающихся компаний и предприятий. Тем не менее следует тщательно рассматривать имеющиеся контраргументы.

2. Продолжаются споры о причинах современной рецессии. Известный ход мысли отсылает к беспечной политике со стороны финансового сектора в отношении выдачи кредитов и призывает к установлению более строгих, консервативных правил кредитования в будущем. Я не отрицаю подобных рассуждений, но обязан предупредить: инновационный процесс по Шумпетеру требует относительно свободного доступа к капиталам для осуществления рискованных проектов, которые могут потерпеть неудачу, но при удачном раскладе могут привести к фантастическим достижениям в сфере технического прогресса (см. условия Г и Д в обзоре условий, необходимых для обеспечения шумпетеровского инновационного процесса). Общее настроение момента требует осторожности, более продуманного ухода от рисков, нежели до рецессии. Согласен, мы должны стать осторожнее, но было бы роковой ошибкой слепо пере-

ходить к крайне консервативным методам. Следует тщательно дифференцировать критерии выдачи кредитов, чтобы оставить возможность для финансирования рискованных, но многообещающих проектов.

3. Мы слышим громкие призывы к регулированию и предостережения против слишком свободных рыночных сил. До определенной степени эти предупреждения обоснованны, но может случиться, что за ними последуют чрезмерное регулирование, возникновение бюрократических препятствий для создания новых предприятий, и это, в свою очередь, может привести к снижению предпринимательского энтузиазма. На бывшем социалистическом пространстве еще остается немало стран, где создатель нового дела по-прежнему вынужден преодолевать целый ряд серьезных препятствий (см. Отчет Всемирного банка: *Doing Business*, 2009). Разработчики экономической стратегии должны избежать обеих ошибок: не заходить слишком далеко с либерализацией экономики и в то же время не вводить слишком жесткое (и/или неверно ориентированное) регулирование.

4. Общественное мнение недовольно непомерно растущими доходами многих предпринимателей и руководителей компаний. Раздаются призывы принять меры против этого явления на практике. Хотя гнев этот вполне обоснован с точки зрения морали и психологически понятен, требуется одно (непопулярное) замечание. Одно из условий шумпетеровского инновационного процесса (условие Б в нашем обзоре) – перспектива огромного вознаграждения для будущих новаторов. Речь идет не просто о большой, но о гигантской сумме. Только это может заставить авторов будущих инноваций идти на серьезный риск. Не будем забывать, что в данном контексте именоваться «новаторами» могут и должны не только первопроходцы-изобретатели, сумевшие представить революционные изобретения, но и предприниматели, достаточно быстро отследившие новые технологии (дома или за рубежом). Однако трудно представить себе честных и компетентных судей, которые могли бы провести черту между заслуженным и незаслуженным большим вознаграждением. Лично я не готов предложить подходящую процедуру, но хочу лишь обратить внимание на два (взаимно противоречащих) аспекта сверхвысоких доходов в сфере бизнеса.

I-3 Отражение исторической действительности в сознании людей

3.1. Базовое явление-отсутствие понимания

Немного ранее я обрисовал *историческую реальность* взаимного влияния грандиозной трансформации (то есть смены систем) и технического прогресса. Допуская наличие ошибок в моем изложении, уверен, что в целом оно вполне соответствует действительности, поскольку я опирался на достаточное количество объективных фактов.

Следует разделять описание исторической реальности и то, как эта реальность отражается в сознании людей. У разных людей процесс рефлексии происходит по-разному. Каждый конкретный человек по-своему видит, понимает и оценивает реальность, описанную в предыдущих разделах, исходя из собственного социального статуса, образования, личной истории и характера.

Первый вопрос, который мы должны рассмотреть, касается оценки технического прогресса. Действительно ли прошлые и будущие изобретения, инновации, новые продукты и технологии воспринимаются как движение вперед, или же люди считают их вредными или опасными? Данный вопрос фигурировал в ряде международных опросов; табл. 9 и 10 позволяют ознакомиться с любопытными результатами. В отношении пользы и вреда от технического прогресса две трети респондентов из Польши и Венгрии считают, что положительный эффект сильнее отрицательного. С этой точки зрения в упомянутых двух постсоциалистических странах идею технического прогресса поддерживает больший процент населения, нежели в Австрии, Финляндии, Италии, Испании и постсоциалистической Чехии. Когда речь заходит о будущем, в поддержку технического развития высказывается еще больший процент респондентов (см. пятый столбец в табл. 1–9 и первый столбец в табл. 1–10).

Второй вопрос связан не с оценкой, а с причинно-следственными связями. Начну с рискованного утверждения. Большинство жителей в странах бывшего социалистического лагеря не понимают фундаментальных причинно-следственных отношений между капитализмом и техническим прогрессом. Несмотря на то что нововведения последних 50–100 лет – революционные изменения в сфере информационных и коммуникационных технологий, бесповоротно изменившие жизнь каждого человека в отдельности, и люди в большинстве своем наслаждаются преимуществами быстрых технологических перемен, мало кто относит эти перемены на счет капитализма³¹. Напротив, значительная часть людей настроена против капитализма с умеренной, а то и с изрядной долей агрессии, и при этом продолжает пользоваться мобильными телефонами, Интернетом, штрихкодами в супермаркетах, пластмассами и синтетическими волокнами, современными бытовыми приборами, копирувальными аппаратами и т. д., не признавая, что все эти предметы и технологии – продукт деятельности ненавистной капиталистической системы.

Утверждение мое – лишь *предположение*, гипотеза. К сожалению, я не могу привести результатов ни одного опроса общественного мнения или ценностного опроса, который поддерживал, уточнял или опровергал бы мои догадки. С помощью моего ассистента Даниэля Роны мы попытались тщательно изучить самые известные международные опросы³². Выясни-

³¹ Излагая историю о дефиците телефонных линий при социализме и сверхпредложении в этом секторе после 1989 года, я подчеркнул, что *благодарен* капитализму за это изменение, коснувшееся моей частной жизни. Возможно, подобные чувства испытываю не я один, но боюсь, нас таких меньшинство.

³² Мы обратились к самым известным международным социологическим опросам в поисках близкого по смыслу вопроса,

лось, что при наличии сотен более или менее связанных с нашей темой вопросов никто ни разу не спросил респондентов: «Что вы думаете о и как оцениваете взаимодействие системы в целом (капитализма, социализма, перехода от социализма к капитализму) и технического прогресса?»

ТАБЛИЦА 1–9.
Оценка технического прогресса

	Австрия	Финляндия	Италия	Испания	Чехия	Польша	Венгрия
Прогресс в науке и технике позволит лечить такие болезни, как СПИД, рак и т.д.	82	89	82	79	85	89	94
Благодаря науке и технике перед будущими поколениями откроются более широкие перспективы	71	77	73	66	74	93	81
Благодаря науке и технике наша жизнь станет более здоровой, легкой и удобной	71	77	76	73	70	83	79
Наука и техника помогут избавиться от бедности и голода во всем мире	33	21	50	37	35	45	34
Польза от науки перевешивает возможные негативные последствия ее развития	48	50	57	57	44	65	63

ПРИМЕЧАНИЕ. Участникам задавали вопрос: «Согласны ли вы со следующими утверждениями?» В таблице отражен процент положительных ответов в процентах к числу всех респондентов.

ИСТОЧНИК: Eurobarometer, 2005.

До тех пор пока мы не получим убедительных данных, позволяющих понять, что происходит в людских умах в связи с данной проблемой, я буду придерживаться своей гипотезы. Если будущие опросы опровергнут мои предположения, я, естественно, готов пересмотреть их или отказаться от них.

ТАБЛИЦА I—10.
Ожидания, связанные с новыми технологиями, %

Ожидания	EU-15	EU-10	Великобритания	Германия	Польша	Венгрия	Румыния
Качество жизни будущих поколений улучшится	47	72	82	75	91	82	83
Солнечная энергия	90	84	91	95	89	87	78
Компьютеры и вычислительная техника	85	87	92	89	92	87	86
Биотехнологии и генные технологии	63	64	65	65	63	74	65
Интернет	77	81	81	75	86	78	82
Мобильная телефония	67	70	61	57	80	67	75
Альтернативные источники энергии на транспорте	90	86	90	92	88	81	84
Воздушное сообщение	79	79	80	72	88	75	85

ПРИМЕЧАНИЕ. Респонденты отвечали на вопрос: «Как вам кажется, влияние перечисленных технологий будет положительным, отрицательным или нейтральным?» В таблице отражен процент только положительных ответов.

ИСТОЧНИК: Eurobarometer, 2005.

Но отсутствие подобных исследований странным образом, опосредованно подкрепляет мои догадки. Если профессиональные социологи абсолютно игнорируют данный круг вопросов, изучая изменения в обществе и взгляды людей в контексте этих изменений, чего же мы можем ожидать от обычных граждан? Подобная ситуация – однозначное доказательство интеллектуального равнодушия к попытке разобраться в связях между политической и экономической сферами и ускорением технического прогресса.

Процессы в обществе в совокупности формируют общественное мнение. В этом участвуют все: родители, воспитатели в детском саду, учителя в начальной школе, соседи дома и коллеги на работе. Поделюсь своими соображениями насчет профессиональных групп, которые несут особую ответственность за формирование общественного мнения.

3.2. Ответственность экономистов

Чему мы учим студентов? Большинство представителей нашей профессии признают увлекательное и важное новое течение в теории роста, инспирированное в значительной степени идеями Шумпетера (Grossman, Help-man, 1991; Aghion, Howitt, 1998). Как правило, признание сводится к вежливой сноске, без попытки глубже понять доминирующую тенденцию современной экономической мысли. Объясняя достоинства капитализма, выдающиеся экономисты (Baumol, Litan, Schramm, 2007; Phelps, 2008) придают большое значение предпринимательству. Представители австрийской школы (см., к примеру: Kirzner, 1985) никогда не упускают шанс обратить внимание на инновационную природу спонтанных рыночных сил. Экономисты, специализирующиеся на изучении социалистических и постсоциалистических экономических систем, указывают на тесную причинно-следственную связь между особыми свойствами системы и характеристиками технического развития (отличный пример: Balcerowicz, 1995). Вопреки всему эти ценные идеи не находят должного отражения в учебных материалах курсов по микроэкономике и не становятся органической частью мировоззрения для молодых экономистов.

Существует простой, но убедительный тест: проверим самые авторитетные вводные учебники. Возьмем, к примеру, учебник Грегори Мэнкью (Mankiw, 2001) – одно из самых популярных пособий в США, переведенное на многие языки мира. В Венгрии его также используют в качестве учебника. Это настоящий шедевр дидактики, где все изложено понятно; основные темы интересно проиллюстрированы. И при этом – ни одного слова о шумпетеровском инновационном процессе! В именном указателе – несколько десятков авторов, но Шумпетера там тоже нет. Факторам роста производительности и ускорению технического прогресса посвящено лишь несколько сухих абзацев, что отнюдь не компенсирует отсутствие яркого описания инновационного процесса и основательного объяснения динамики развития капитализма³³.

Добавлю еще несколько оговорок. Уверен, существуют и приятные исключения. Выше я перечислил имена замечательных экономистов, которые прекрасно осведомлены о роли частного предпринимательства и шумпетеровском подходе. Когда эти ученые (и многие другие специалисты, разделяющие аналогичные взгляды на капиталистическую экономику) преподают

³³ Моя ассистентка Юдит Херкец помогла мне проверить еще одиннадцать популярных учебников, по которым преподают экономику в США и Европе, а также в Венгрии и других постсоциалистических странах. Все сказанное о книге Мэнкью можно отнести и к данным пособиям. Со списком книг можно ознакомиться у автора.

микроэкономике, они явно не оставляют без внимания объяснение инновационных процессов и роль капиталистической системы в возникновении революционных инноваций.

Набор из двенадцати учебников, конечно, не является репрезентативным. Анализ достаточного для полноценных выводов количества пособий выходит за рамки данного исследования. Но до тех пор пока не увижу убедительных контрдоводов, продолжаю придерживаться гипотезы, согласно которой большая (возможно, доминирующая) часть высшего экономического образования недостаточно полно представляет студентам эту важнейшую системную характеристику капитализма.

Так называемую мейнстримную экономику часто обвиняют в том, что она рекламирует приятные стороны капитализма. Если это действительно так, то она плохо справляется со своей задачей в деле обучения студентов, ведь одно из самых важных достоинств системы – склонность к неудержимым инновациям – не упоминается даже упоминания.

Главным показателем при разговоре об измерении роста все считают ВВП. Замечательно, что экономистам и специалистам в области статистики удалось вывести рабочее определение и универсальную методологию измерения ВВП, принятые во всем мире. Однако это важное достижение порождает определенную небрежность, когда дело доходит до оценки успехов и неудач в процессе развития. Слишком большая доля внимания сосредоточена на показателях роста ВВП. Иногда рассматриваются и некоторые другие показатели: инфляция, бюджетные расходы, текущий баланс, индикаторы неравенства. При этом не существует показателей для измерения успехов и провалов в сфере технического прогресса (в том смысле, как мы рассматриваем это явление в данной работе) или для оценки ускорения либо замедления прогресса, которые были бы приняты в широких кругах и регулярно отслеживались. Постсоциалистические государства Центральной и Восточной Европы достигли уровня ВВП, равного уровню до 1990 года, примерно в 1994–2000 годах, страны – правопреемницы СССР добрались до него еще позже, а некоторые – до сих пор находятся на подступах. Это так, но для большей части населения жизнь тем временем совершенно изменилась. В рамках данного исследования я не упомянул, как эти изменения сказались на политических режимах, распределении собственности и социальной мобильности, зато подчеркнул, к каким важным переменам в жизни людей привело ускоренное внедрение в жизнь новых продуктов и технологий, созданных в процессе инноваций. Мы жалуемся на серьезные проблемы, объяснимые по-прежнему низким уровнем ВВП, но значительная часть населения уже связана с остальным обществом посредством телефона и Интернета, куда большее число людей владеет автомобилями, пользуется современной бытовой техникой и такими новыми продуктами, которые прежде были доступны лишь жителям Запада. Следует разработать соответствующие индикаторы и методы измерения, чтобы получить более точные представления о влиянии технического прогресса на повседневную жизнь.

Экономисты и те, кто занимается экономической статистикой, хорошо знают о необходимости дополнить ВВП другими показателями, способными отразить и другие аспекты благосостояния и развития. Возникают новые важные инициативы по совершенствованию измерения роста, они дополняют данные по валовому объему продукции различными показателями в области здравоохранения, образования, распределения доходов и т. д.³⁴ Меня беспокоит, что аспект, на важность которого я пытаюсь указать в своей работе, а именно – влияние технического прогресса на образ жизни, вновь может остаться за пределами реформ в области статистики и ему не будет уделено должного внимания.

³⁴ Президент Франции пригласил группу экономистов и статистиков под председательством Джозефа Стиглица, Амартьи Сена и Жана-Поля Фитусси для разработки новых предложений по совершенствованию методики измерения роста и развития. На данном этапе группа распространила первый вариант отчета (Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2009).

3.3. Ответственность политиков

Все, сказанное выше в связи с экономической политикой, очевидно можно отнести и к политике как таковой. Однако я бы хотел сейчас остановиться на другой стороне политической деятельности. Политические лидеры, помимо всего прочего, выступают как просветители своего народа, их слова служат ориентиром для граждан.

Вместе с Тибором Месманном и благодаря помощи коллег, живущих за пределами Венгрии, мы ознакомились с текстами публичных речей глав следующих государств: Болгарии, Хорватии, Чехии, Венгрии, Польши, Сербии, Словакии и Словении. Для каждой страны мы отбирали выступления или письменные заявления, составленные от имени главы государства или премьер-министра и лидера (лидеров) самых влиятельных оппозиционных партий. Мы старались отбирать тексты, в которых содержались бы общие обзоры успехов и неудач этих стран (по образцу докладов о положении дел в стране, которые президент США представляет конгрессу). Как правило, такие речи зачитываются по случаю национальных праздников или иных важных событий. Большинство проанализированных текстов были обнародованы в течение первых восьми месяцев 2009 года. В отдельных случаях нам удалось отыскать речи с празднований двадцатилетия событий 1989 года с общей оценкой постсоциалистического перехода³⁵. Резюмировать полученные результаты оказалось несложно. Ни в одном из 53 выступлений и политических заявлений авторы не указывали на причинно-следственную связь между капитализмом и научно-техническим прогрессом и не говорили о том, какое влияние оказывает этот прогресс на жизнь людей. Никто не сослался на это положительное свойство капитализма, чтобы убедить народ в том, что переход от социализма к капитализму приближает их к миру инноваций, модернизации и динамизма.

Отдельные политические лидеры упомянули таки о техническом прогрессе. Большинство положительно отзывалось о капиталистической системе, однако и в этих речах мы не обнаружили убедительной аргументации по заявленной теме. Выборки из 53 выступлений достаточно, чтобы заявить: полученный результат огорчил и разочаровал нас. Ведь мы обратились к высказываниям представителей политической элиты, восточноевропейского истеблишмента, а не к выступлениям радикальных противников капитализма, выразителям крайне левых или крайне правых идей. Лидеры, о которых шла речь, либо являются членами правительства, либо состоят в оппозиции, но явно сочувствуют идеям капитализма – и при всем этом упускают ценнейший довод в пользу капиталистической системы.

Следует добавить, что мало кто из этих политиков готов отстаивать капиталистические принципы. Стало привычным (среди представителей как левых, так и правых партий) подчеркивать темные стороны системы и выступать против нее.

Безусловно, стоило бы проанализировать еще больше политический речей и письменных заявлений. Я с радостью приму любые сведения в качестве контраргументов; например, такие тексты, где бы политики подчеркивали роль капитализма в стимулировании инноваций и указывали на ускорение технического прогресса как на одно из достижений переходного периода. Но до тех пор пока меня не опровергли, я продолжаю придерживаться прежнего утверждения: все политики, независимо от того, какое место они занимают в политической иерархии, несут серьезную ответственность за нежелание объяснять причинно-следственную цепочку: капитализм → инновации → изменение образа жизни. Понимание этой жизненно важной связи могло бы стать действенным противоядием в борьбе с антикапиталистическими умонастроениями – и наши политические лидеры не готовы снабдить нас этим противоядием.

³⁵ Автор готов предоставить проанализированные материалы заинтересованным читателям.

Пренебрежение доводами, конечно, не такой уж великий грех. Куда больше меня возмущает популистская ан-тикапиталистическая риторика; при этом сами демагоги со спокойной душой пользуются изобретениями и инновациями, внедренными при капитализме. Отвратительно наблюдать, как политические активисты собирают людей на масштабные акции с антикапиталистическим уклоном, задействуя для этого компьютеры, мобильные телефоны, каналы связи, обеспечиваемые спутниками и оптоволоконным кабелем. Это происходит в постсоциалистическом регионе: политические деятели, отрицающие сам факт смены систем, выкладывают свои популистские, антикапиталистические лозунги в интернет-блогах, произносят пламенные речи на мобильные устройства и общаются между собой по мобильным телефонам, без зазрения совести пользуясь техническими достижениями ненавистного капитализма.

3.4. Взаимосвязанность (Interconnectivity) и демократия

Нам практически ничего не известно о том, как люди *понимают* и *оценивают* причинно-следственную цепочку: капитализм → инновации → изменение образа жизни. Мы можем составить некоторое представление о действии этой связи в обратном направлении, то есть о том, каким образом технический прогресс (точнее, прогресс в секторе информационно-коммуникационных технологий) влияет на политические взгляды жителей постсоциалистического пространства. В табл. 1-11 представлены обобщенные результаты опросов респондентов из стран Центральной и Восточной Европы на предмет отношения к демократии, капитализму и прежней социалистической системе. Участники опроса разделены на две группы: интернет-пользователи и те, кто Интернетом не пользуется. Разброс ответов впечатляет³⁶. Люди, связанные с миром современных информационных технологий, с большей симпатией отзываются о демократии и капитализме и критически относятся к прежнему режиму, и это вселяет надежду. Пользователи сети меньше подвержены ностальгии по старым социалистическим порядкам – на фоне общего усиления подобных настроений, особенно с наступлением последнего экономического кризиса.

Приведенные эмпирические данные совершенно согласуются с результатами, полученными в ходе исследований взаимосвязанности (*interconnectivity*). Смысл этого термина интуитивно понятен: люди связаны друг с другом посредством различных технических инструментов и процессов. Особенно важную роль с этой точки зрения играет электронная почта. Чем больше людей могут посылать электронные письма другим людям, тем плотнее сеть связей. Данное явление однозначно поддается наблюдениям и измерениям.

Здесь я опираюсь на увлекательное исследование Кристофера Кедзи (Kedzie, 1997a), где автор измеряет «взаимосвязанность» при помощи метрического аппарата. Не будучи экспертом в данной области, я не могу оценить, является ли метрическая мера, использованная Кедзи оптимальной для этих целей. Принимая его выбор с оговорками, считаю достойными упоминания главные выводы исследования. Кедзи проанализировал корреляцию между «демократией» и «взаимосвязанностью». Выяснилось, что данная корреляция составляет 0,73, что выше корреляции между демократией и ВВП на душу населения (0,57). Более свежая работа по аналогичной теме (Frisch, 2003) поддерживает выводы Кедзи. Надеюсь, работы в этом многообещающем направлении будут продолжены.

ТАБЛИЦА I– 11

³⁶ Здесь мы сталкиваемся с вопросом, который непосредственно связан с нашей темой: влияет ли появление высокотехнологических средств коммуникации на дальнейшее расслоение общества? Ответ на этот вопрос лежит за рамками данного исследования.

Страна	Интернет-пользователи		Те, кто не пользуется Интернетом	
	Среднее арифметическое	Процент	Среднее арифметическое	Процент
удовлетворенность демократией ^a				
Центральная и Восточная Европа	2,6	30	2,8	70
Чехия	2,5	42	2,8	57
Польша	2,7	34	2,9	66
Венгрия*	2,2	23	2,4	77
Россия	3,0	14	3,1	86
Словения	2,2	57	2,1	43
оценка капиталистической экономической системы ^b				
Центральная и Восточная Европа	1,9	30	0,4	70
Чехия	2,5	42	0,7	58
Польша	1,1	34	- 0,9	66
Венгрия*	0,7	23	- 0,5	77
Россия	0,9	14	- 0,8	86
Словения	1,6	57	0,7	43
оценка социалистической экономической системы ^c				
Центральная и Восточная Европа	1,1	30	3,7	70
Чехия	- 2,6	42	0,6	58
Польша	- 0,4	34	3,4	66
Венгрия*	0,2	23	3,0	77
Россия	1,6	14	4,4	86
Словения	3,0	57	4,0	43

ПРИМЕЧАНИЕ. Респонденты отвечали на вопрос: ^a «Насколько вы удовлетворены тем, как работает демократия?» Ответы давались по шкале в 4 балла: 1 = полностью удовлетворен (а); 2 = удовлетворен (а) до некоторой степени; 3 = не очень удовлетворен (а); 4 = совершенно не удовлетворен(а). ^b «Насколько вас устраивает капиталистическая система?» Ответы давались по шкале в 21 балл: от -10 = совершенно не устраивает; 2 = нейтральное отношение; +10 = полностью устраивает. ^c «Насколько вас устраивает социалистическая система?» Ответы давались по шкале в 21 балл: от -10 = совершенно не устраивает; 2 = нейтральное отношение; +10 = полностью устраивает. В таблице отражено среднее арифметическое (невзвешенное).

* У меня есть сомнения относительно данных по интернет-пользователям в Венгрии. По сравнению с остальными статистическими данными, они кажутся слишком низкими. —Я. К.
ИСТОЧНИК: Rose, 2004.

Позволю себе вернуться к собственному замечанию относительно роли современных информационно-коммуникационных технологий в разрушении монолита, которым казалась нам власть коммунистической партии и официальной марксистско-ленинской идеологии. Я рассматривал события, которые произошли двадцать лет назад в Советском Союзе и социалистических странах Центральной и Восточной Европы. Однако проблема отнюдь не потеряла своей актуальности. Есть две маленькие страны – Куба и Северная Корея, где мало что изменилось в экономике, а власть по-прежнему находится в железных руках коммунистических диктаторов. Помимо этого, есть две большие страны, где были проведены серьезные реформы и экономике было позволено сдвинуться в сторону капитализма – притом, что политическая структура практически не изменилась, сохранив диктатуру одной партии. Как повлияют на эти страны современные информационные технологии? Китай и Вьетнам активно пользуются всеми революционными достижениями в области науки и техники и в то же время страдают последствий. Руководство этих стран пытается решить две взаимоисключающие задачи: извлечь максимальную пользу из технического прогресса и максимально защитить свою монополию на власть, что в результате ведет к колебаниям, движению вперед-назад, раздвоению.

Еще одна проблема, требующая анализа, – перспективы: как будут соотноситься в будущем взрывы инноваций и уровень жизни? Когда я пребываю в пессимистическом настроении,

перед глазами разыгрываются мрачные сценарии. Даже не обладая особым даром прорицания, легко предвидеть, каким образом технические достижения могут быть обращены во зло. Я прочел немало отчетов о попытках китайского правительства применить политическую цензуру в Интернете, заблокировать трансляцию отдельных телеканалов или закрыть откровенно критические блоги³⁷. Учитывая тот факт, что все большая часть компьютеров, которыми пользуются в Китае, там же и производится, не так уж сложно встроить в операционную систему программное обеспечение с цензурными функциями, а управлять такими системами можно будет централизованно. К сожалению, крупные западные корпорации готовы сотрудничать с властями в их стремлении ввести политическую цензуру, боясь упустить гигантский китайский рынок.

Шестьдесят лет назад, когда Оруэлл писал роман «1984» (Orwell, 1989), Большой Брат еще не располагал оборудованием, которое придумал автор романа. Сегодня не возникло бы никаких технических препятствий при установке камер и прослушивающих устройств в каждой квартире и каждом офисе. Представим себе будущего Сталина с новейшими гаджетами, приборами наблюдения и средствами телекоммуникации, разработанными для тотальной слежки за гражданами!

В те дни, когда я настроен более оптимистично, кошмары будущего оставляют меня и я начинаю надеяться, что современные технологии снова и снова будут вести к децентрализации – какие бы усилия не прилагали диктаторские режимы для поддержания или усиления централизации. Если они изобретут новый способ блокировать информацию, найдутся сотни и тысячи скорых на выдумку компьютерных пользователей, способных преодолеть блокады и барьеры³⁸.

³⁷ См. статьи Чао и Тиммера (Chao, 2009; Timmer, 2009) о политической цензуре в Китае. См. также статьи о цензуре в Интернете в Википедии (2009b).

³⁸ В предыдущей сноске я сослался на статью Тиммера (2009), опубликованную в Интернете. Редактор просил читателей прокомментировать ее; вот первый комментарий: «И что может помешать китайцам переформатировать свои жесткие диски и установить пиратские версии Windows?»

Заключение

В своей работе я охватил целый ряд тем и не собирался ограничиваться одним или двумя вопросами. На разноцветной карте исследований в области сравнительной экономики и пост-социалистической «транзитологии» зияет огромное белое пространство. Моя задача состояла в том, чтобы представить общий обзор этого пространства.

Из многочисленных ценных источников я упомянул здесь лишь несколько. По каждой из затронутых мною тем можно подобрать обширный круг литературы, но, увы, все эти исследования мало связаны между собой. Ключевое понятие и технический инструмент современных коммуникаций – гиперссылка (выделенный синим цветом фрагмент HTML-документа, указывающий на другой файл и содержащий путь (URL) к нему). Именно таких гиперссылок здесь и не хватает: в литературе об изменениях, происходящих в постсоциалистическом регионе, нет связи между работами, посвященными политике, экономике, настроениям в обществе, технологиям или сфере коммуникаций. Я бы рекомендовал создать такую сеть гиперссылок – тогда исследователь каждой из этих областей в отдельности смог бы обрести новые важные знания, посмотреть на них под неожиданным углом. По объективным причинам, я не мог расставить рабочие ссылки в тексте, но по крайней мере попытался простимулировать воображение читателя и подсказать, куда бы можно было их вставить. Моя цель – не подробно описать и проанализировать ту или иную связь, но обратить внимание на совокупность взаимосвязей.

Наберется с десятков тем, заслуживающих глубокой разработки, эмпирических наблюдений и теоретического анализа, а я лишь упомянул о них либо вовсе проигнорировал. Исследование связи технического прогресса и общества ведется в многомерном пространстве. Темы, на которых я остановился в данной работе, располагаются в подпространстве, и я отдаю себе отчет в том, что существуют измерения и за пределами этого подпространства³⁹.

Был бы я помоложе, у меня достало бы сил и энергии на подробное исследование этого белого пространства. Это же настоящий интеллектуальный вызов для ученого – увлекательная и захватывающая тема! Надеюсь, мой труд вдохновит тех, кто осмелится вступить на эту не распаханную территорию. Как бы то ни было, я лично собираюсь продолжить работу по изучению взаимодействия между изменениями в политической и экономической сфере и техническим прогрессом.

³⁹ Перечислю ряд направлений, не нашедших отражения в данной работе. 1) Как влияют новые технологии в сфере информации и коммуникаций на отношения между личностями, социальными группами, городами, странами и государствами? Чего можно ожидать от взаимодействия высоких технологий в информационно-коммуникационной сфере, с одной стороны, и национального государства и глобализации – с другой? (Castells, 1996–1998; Nyiri, 2004; Webster et al., 2004). 2) Будущее капитализма. Приведет ли новая эпоха в области информационных технологий к радикальным изменениям базовых характеристик капитализма? Или же возникнет новая система, которую уже нельзя будет назвать капитализмом? (Двое венгерских экономистов, Каталин Сабо и Балаж Хамори написали любопытную книгу с подзаголовком «Цифровой капитализм, или Новая экономическая система (Szabó, Hámori, 2006; см. также: Naug, 2003)). 3) Каким образом революционные изменения в области информационных и коммуникационных технологий влияют на практику ведения бизнеса, особенно в финансовом секторе? 4) Как влияет новая информационная эпоха на права собственности, в особенности применительно к интеллектуальной собственности? 5) Открывается еще одно направление для дальнейших изысканий, которое серьезно отличается от предыдущих; мы можем заново осмыслить наши теории истории человечества на более отвлеченном философском уровне. Какое влияние оказывают изменения в технологии производства и взаимодействии людей на общественные институты и функции правительства?

Часть II Экономика дефицита– экономика избытка. К вопросу о теории рынка

Введение

Общие впечатления

Данный текст – новая, переработанная и дополненная версия статьи, опубликованной в журнале «Экономическое обозрение» (Kornai, 2010a). Благодаря многочисленным коллег за поддержку в процессе исследований, ставших основой данной работы. Особенно хотелось бы отметить вклад Аттилы Чикана и Жолта Матюша, оказавших разностороннюю помощь в сборе данных и прояснении отдельных вопросов. Спасибо Даниэлю Бруксу, Жуже Даниэль, Яношу Гачу, Доре Дерфи, Марии Лацко, Аладару Мадарасу, Жолту Матюшу, Агнеш Надь, Еве Палоц, Андрашу Прекопе, Ричарду Куандту, Андрашу Шимоновичу, Домокошу Сасу, Яношу Иштвану Тоту и Мердаду Вохаби за ценные и полезные рекомендации. Я высоко ценю самоотверженную и внимательную работу по сбору информации, подбору литературы и редактуре текста, которую провели мои непосредственные коллеги – Рита Фанчовиц, Илдико Маляри, Андреа Ремени и Каталин Сечи. Благодарен Коллегиуму Будапешт за творческую атмосферу и действенную практическую помощь в преодолении трудностей, связанных с осуществлением моего предприятия.

Если войти в Википедию в раздел Shortage Economy⁴⁰ (2010), то в самом начале можно увидеть фотографию: Польша, 1980-е годы, покупатели стоят в очереди перед продовольственным магазином⁴¹ – все полки абсолютно пустые. Сегодняшний посетитель польского гастронома увидит полки, ломящиеся от разнообразных и ярких упаковок – товаров домашнего и иностранного производства.

В 1999 году мне довелось побывать в Китае по случаю второго издания китайского перевода моей книги «Дефицит» (A hiány, 1980; на английском и китайском книга вышла под названием «Экономика дефицита»). Сопровождающие-редакторы и студенты, хорошо знакомые с моей работой, водили меня по универсамам и продовольственным рынкам. Один из коллег сказал: «Пора писать новую книгу: на смену экономике дефицита пришла экономика избытка».

На книгу меня не хватит, но попытаюсь обрисовать ряд основных положений экономики избытка в рамках экономической науки. Ключевую мысль исследования можно сформулировать следующим образом: характерная особенность социалистической системы – экономика дефицита, для капиталистической системы характерна экономика избытка⁴².

⁴⁰ Статья «Экономика дефицита» в русскоязычной версии Википедии отсутствует, а раздел «Дефицитная экономика» описывает совершенно иное явление, не связанное с термином, введенным Яношем Корнай. – Прим. пер.

⁴¹ См.: Wikipedia, 2010.

⁴² Я долго мучился с названием. Наряду с венгерским *többlet* английский аналог *surplus* (в русском ближе всего *избыток*, оно же в русскоязычном экономическом дискурсе чаще всего выступает антонимом слова *дефицит*, в отличие от стилистически окрашенного *излишек*, *излишества* или совсем уж далеких *перепроизводства* и т. д. – Прим. пер.) рассматривались такие понятия, как *boseg (plenty)* – *изобилие*, *telítettség (glut)* – *наполненность*, *насыщение* и др. Тем не менее именно *избыток* более всего подходит для обозначения описываемого явления.

По Шумпетеру, исследование начинается с «доаналитического когнитивного акта» – он поставляет «сырье» для аналитики. Шумпетер называет это «видением, предвосхищением» (*vision*). Под его влиянием вещи видятся в новом свете (Schumpeter, 1954). Я убежден, что чувство, с которым экономист социалистической экономики дефицита взирает на изобильное предложение капиталистического рынка, содержит в себе это доаналитическое видение. Такое впечатление представляется мне важным. Именно сравнивая капитализм с другой системой, в определенном смысле противоположной ему, я могу увидеть в нем то, что живущие в условиях капитализма коллеги не замечают, будучи не в состоянии вырваться за пределы привычного мировоззрения.

Когда я обсуждаю эту тему с представителями мейнстримной экономики, они, как правило, соглашаются лишь наполовину Их легко убедить в том, что социалистическая система есть экономика дефицита. Но почему нужно называть капиталистическую систему экономикой избытка? Действительно, магазины и склады предприятий предлагают обширный ассортимент, на производстве присутствует резерв мощности, но всего ровно столько, сколько нужно. Производитель производит определенный объем продукции, продавец держит определенный запас товара, потому что именно столько нужно для поддержания рыночного равновесия. Социалистическая экономика, в отличие от капиталистической, не находится в состоянии равновесия. Случаются, конечно, флуктуации (сейчас как раз отклонение довольно велико), однако долгосрочная тенденция состоит в стремлении к равновесию.

Значит ли это, что мы спорим лишь о названии? То, что привычно называют рыночным равновесием, я обозначил как экономику избытка – и в чем тогда разница? Если бы дело обстояло настолько просто, здесь можно было бы поставить точку – какой смысл долго спорить о названиях?

Хотя мной и моими коллегами наблюдаются одни и те же явления, мы считываем их по-разному из-за разницы восприятия. Я по сути иначе оцениваю аналогичные факты (резервы мощности, готовые к резкому скачку, заполненные склады, рабочую силу в поисках занятости). Каждый отдельно взятый производитель или продавец исходя из своих интересов точно знает, какой объем запасов или резервных мощностей ему нужен в данный момент. Но в совокупности всех предназначенных для продажи товаров и резервных мощностей больше (и значительно больше!), чем могут приобрести все покупатели, вместе взятые. Макроэкономист может заключить: занятость соответствует естественной норме. Но при этом масса людей ощущает, что их изгнали из рядов занятых, и будь они тоже вовлечены в работу, производительность общества выросла бы.

Если я прав и капиталистическая система действительно является экономикой избытка, это влечет за собой серьезные последствия, оказывая влияние на поведение участников системы. Проясняются многие черты капитализма. В этом смысле наш анализ может содействовать более полному *позитивному*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.